

К14'91756

НИНА ГРУЗДЕВА

ТВОЕ ИМЯ

НИНА ГРУЗДЕВА • Твое имя

ВОЛОГДА
2017

ISBN 978-5-91965-144-4

9 785919 651444

*Да, мы странные люди
Другой, необычной среды...
Сочтены наши дни,
Тают годы, как тают мгновенья.
Мы сквозь время идем,
И во времени стынут следы,
И по нашим следам
Уж другие идут поколения.
Сквозь лишения и войны
Все наши дороги прошли.
С каждым днем нас всё меньше,
И жить уж недолго осталось.
Как ни трудно нам было,
Но все-таки мы сберегли
Нашу русскую душу
И имени в грязь не втоптали.*

У. Луцкевич

Вологда. XXI век

НИНА ГРУЗДЕВА
ТВОЕ ИМЯ

Избранное

12+

ВОЛОГДА
Полиграф-Периодика
2017

УДК 821.161.1(470.12)-1
ББК 84(2Рос-4Вол)6-5
Г90

Редактор-составитель
А. А. ЦЫГАНОВ

Художник
Э. В. ФРОЛОВ

Груздева, Н. В.
Г90 Твое имя: избранное / Нина Груздева; [ред.-сост.
А. А. Цыганов, худ. Э. В. Фролов]. – Вологда: Полиграф-
Периодика, 2017. – 239 с.: ил. – 12+
ISBN 978-5-91965-144-4

Сборник избранных стихотворений Нины Васильевны Груздевой (1936–2016) «Твое имя» составляют как уже известные всероссийскому читателю произведения, так и созданные поэтом в последние годы. Имя Н. В. Груздевой давно и по праву причислено к плеяде лучших поэтов страны. В свое время известный поэт Илья Сельвинский назвал Н. В. Груздеву «певчей птицей» отечественной поэзии. Ее поэтический голос звучит самобытно благодаря особой отзывчивости и теплоте интонации, природному чувству слова. Поэзия Нины Груздевой пронзительно трогает душу, отзывается в ее самых потаенных уголках. Ее творчеству присуща лирическая афористичность в кажущейся простоте слога, обращение к вечным вопросам и ценностям земного бытия человека, светлый дар жизненного оптимизма. Н. В. Груздева – лауреат Всероссийской премии имени Н. М. Рубцова «Звезда полей», Большой литературной премии России. В «Избранное» также вошла публицистика Н. В. Груздевой, состоящая из биографических материалов, где автор с присущей прямотой и открытостью повествует о своем жизненном и творческом пути.

УДК 821.161.1(470.12)-1
ББК 84(2Рос-4Вол)6-5

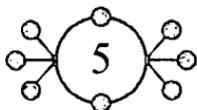
ISBN 978-5-91965-144-4

© Груздева Н. В., 2017
© Оформление. ООО ПФ
«Полиграф-Периодика», 2017

ДУША

Везде душа моя витает:
Что ждёт, что любит, чем горит.
Она и в сумерках не тает,
И днями с вами говорит.

Она повсюду с вами будет:
В любви, на отдыхе, в трудах.
И вы её найдёте, люди,
В моих стихах.

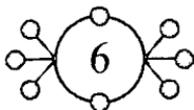

---

* * *

После нас не останется писем,
А душевные связи тонки.
И уносятся в звездные выси
Телефонные наши звонки.

Может, где-то в межзвездной Вселенной
На звезде или в райском тепле
Вдруг настигнет звонок, тот, последний,
Не заставший меня на Земле.

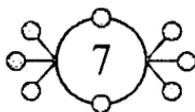

* * *

Прокрался краешек зари
В окно мое больничное.
Другое, что ни говори,—
Вторичное, третичное...

В природе тишина царит,
Но скоро пробуждение.
И этот краешек зари —
Предвестник возрождения.

А это, что ни говори,—
Души моей истоминка,
И я за краешек зари
Держусь, как за соломинку.

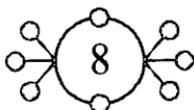
---

* * *

Я – вся из звуков, вся из хлеба.
Как та высокая сосна,
Я головой касаюсь неба,
Корнями в землю проросла.

Протягиваю в вечность руки.
Сначала слышимы едва,
Оттуда неземные звуки
В земные вяжутся слова.

А мне светло и одиноко.
Через меня струятся вниз
На Землю солнечные токи,
Земные – в небо поднялись.

ЗВЕЗДА

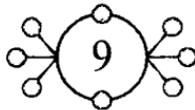
Сергею Алексееву

Ночь была очень звездной, когда
Меня мама на печке рожала.
За трубу зацепилась звезда
И на крыше моей ночевала.

Тут отец поспешил на прием,
Он пупок завязал так умело!
А звезда своим синим огнём
Обожгла мою душу и тело.

И с тех пор так любя мне земля
И небесные манят чертоги,
Но с тех пор постоянно болят
Эти звездные злые ожоги.

18 сентября 1998

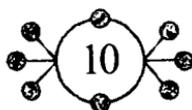

РОДНОЕ

Отцовские места.
Черемух снежный цвет...
Простая красота –
Ее дороже нет!

Зовет в свои края
Родных видений власть...
Здесь простота моя,
Я с нею родилась!

ЗДРАВСТВУЙТЕ, КЛЕНЫ!

*Светлой памяти брата Василия,
погибшего в 1943 году*

Еду домой посмотреть на весну.
В новый наряд одеваются кроны.
Как мне на вас захотелось взглянуть...
Здравствуйтесь, клены!

...Летнюю тропку, как в детстве, топчу...
Дом мой родительский, старый и скромный.
Вами я вновь любоваться хочу,
Здравствуйтесь, клены!

...С поезда скорого я на заре
Снова спешу из краев отдаленных
Видеть вас в золоте и – замереть...
Здравствуйтесь, клены!

...Ветры вас били и вьюги секли.
Вы, словно мать, сединой побелены.
Низкий поклон вам до самой земли!
Здравствуйтесь, клены!

Знаю, еще до великой войны
Брат вас сажал, молодой и влюбленный...
Память о нем сохранить вы должны...
Здравствуйтесь, клены!

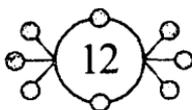
ЛИСТИК

Нине Чухиной

Я – не царь, а часть природы,
Как деревья, как трава.
И бывают непогоды,
А сегодня – синева!

Ветерок чуть слышно дышит,
Нежно щеки холодит
И деревья не колышет,
Только листья шевелит.

На душе тепло и чисто.
День хороший проведя,
Отдыхаю, словно листик
После летнего дождя.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Ах, какой высокий в небе день,
И жужжит парящий зной.
Облака, как гуси-лебеди,
Проплывают надо мной.

И далекая-далекая
Тучка ветром опухнет,
Обойдя вокруг да около,
Вдруг растает-пропадет.

Я с улыбкой и беспечностью,
Словно в облаке, плыву,
Синевой дышу, как вечностью,
И, как в вечности, живу.

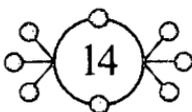
* * *

Александр Цыганову

День прошел, и опять перевернута жизни страница.
За окошком шуршит ненавязчивый реденький дождь.
Натрудившись, душа хочет к близкой душе прислониться,
Только где же сейчас ты ей душу такую найдешь?

Души все в камышах. Не шелохнутся тихие ветки.
Их сейчас не найдешь там, хоть днем с фонарями ищи...
Как с душой нараспашку по жизни прошли наши предки,
Так сегодня мы все поголовно ушли в камыши.

Что же делать теперь? Я опять дни за днями листаю.
Неужели навечно бездушием мир занемог?
Раньше были друзья. Где теперь ваша звонкая стая?
Приходите сюда. Пospешите на мой огонек!

ЛЮБОВЬ

Не удивляйся, я приду сама,
Как солнце, как прозренье, как чума.
Болезнь заставлю жизнью, красотой,
Сокровища несметные открою,
Руками, как крылами, обойму,
Прильну дыханьем к сердцу твоему,
Заставлю биться сладостно и больно,
Пока себе я не скажу: «Довольно!».
И, раскаливши душу добела,
Сама уйду неслышно, как пришла.

ВСТРЕЧА

Однажды он пришел за мной
В погожий вечер,
И наклонился шар земной
Ему навстречу.

И я совсем легко сошла
Ему на плечи...
Какая музыка плыла
В тот тихий вечер!

И эта музыка звучит
Во мне и всюду,
И кто-то шепчет мне в ночи:
– Мы есть и будем!

* * *

Не проклинаю тех, кого люблю,
И ревностью слепой не унижаю.
Я в добрый путь любимых провожаю,
А боль свою сама перетерплю.
Не проклинаю тех, кого люблю.

Любовь вольна. Её не удержать,
Не заковать её в сундук железный.
Чем мучиться надеждой бесполезной,
Уж лучше непогоду переждать.
Любовь вольна. Её не удержать.

---

* * *

Надежде верила, мечте,
Жила и в были я, и в небыли.
Богами я считала тех,
Что никогда богами не были.

Вот так и ты – ушел, как все,
Ушел поникший, словно высекли.
Так звезды в утренней росе –
Светили, да под солнцем высохли!

Казалось, что любовь была –
И радость встреч, и грусть прощания.
Была, да, видимо, мала.
Как в капельке – звезды мерцание.

Ой, сердце, ты – моя беда,
Уж верить разучиться надо бы!
Но где же ты, моя звезда,
Звезда, что не в росе, а на небе?

* * *

Я хотела с тобой побродить
Той лесною весенней дорогой,
Не желая ничем повредить
Тишине этой северной строгой.

Я хотела с тобой подышать
Тем пьянящим листом тополиным,
Не желая ничем помешать
Этим гибким цветущим рябинам.

Я хотела послушать с тобой
Щебет птиц и реки воркованье,
Посмотреть в небосвод голубой,
Что свое проливает сиянье.

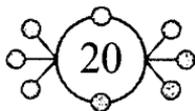
Я боялась: не сможешь один
Ты понять их, как я понимаю,—
Этих взгорков и этих низин
И черемух, разбуженных маем.

Нам бродить бы с тобой допоздна...
Там и слов никаких нам не надо.
Но была запоздалой весна.
Снег все падал, и таял, и падал...

ТИШИНА

А что такое тишина?
Да, что такое тишина?
И вы ответить мне должны,
Что тишина – из тишины.
А нет! Она из шепота,
А тишина – из хохота!
Мне кажется, она жива
И говорит она слова,
Что я живу неправильно,
Что жизнь не так поставлена.
И сетует, и сетует,
Как дальше жить – советует.
И вдруг взорвется хохотом
И самым страшным шепотом
Мне в ухо крикнет в ярости:
– Так будешь жить до старости?
...Она одна, и я одна...
Вот что такое тишина.

СЧАСТЬЕ

Волненья, волненья,
Дороги, дороги...
На дальних дорогах
Тревоги, тревоги.

Ночлег беспокойный,
Случайные встречи,
И в доме у речки
Обычные речи.

В беде и в болезни
Людское участие...
А я и не знала,
Что все это – счастье!

* * *

Какая ранняя весна!
Какая сильная!
И зазвучала тишина,
А небо – синее!

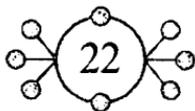
Мели холодные ветра,
Да сразу стихнули,
И, неприметные вчера,
Веснушки вспыхнули.

Мне милый теплые слова
Сказал уверенно,
И закружилась голова,
И я поверила.

Сверкает талая вода,
А солнце – южное!
Но возвратились холода
И ветры вьюжные.

Была небес голубизна,
А стала – с роздымью.
Стояла ранняя весна,
А будет поздняя.

Хрустит замерзшая трава.
Невзгоды выпали.
Остыли теплые слова
И льдом рассыпались.

* * *

Где-то месяц плывет во ржи,
Где-то плачут от счастья люди...
Удержи меня, удержи –
Больше ночи такой не будет!

Будет просто алым восход
И закаты – как все закаты.
Что-то главное в нас умрет –
Будем сами в том виноваты.

Очень просто, а не понять,
Очень просто, а не ответить –
Почему даже в двадцать пять
Мы доверчивы, словно дети?

Видишь – месяц плывет во ржи,
Слышишь – нет в тишине покоя!
Удержи меня, удержи
И погладь по щеке рукою.

* * *

Я по льду шла —
Был тонок лед.
Я мед пила —
Был горек мед.

Ох, мне идти
Нельзя по льду!
И нет пути,
А все ж пойду!

Ох, мне нельзя
Тот мед не пить,
Твои глаза
Нельзя забыть!

Нельзя, нельзя...
Через — нельзя
К твоим глазам
Иду скользя.

Сорвусь под лед —
Ну, так и быть,
Оставлю мед
Другой допить!

* * *

Сидишь —
Нога на ногу,
Говоришь —
Новости.
Я с тобой —
На небе,
Без тебя —
В пропасти!
Мне с тобой
Целый век
Говорить
Надо бы.
Если ты —
Человек,
Возьми меня
На небо!
Заведи
В райский сад,
Подними
На руки.
Захочу
Снова в ад —
Надкушу
Яблоко!
Все равно
И в аду
Не сожгут —
Нé за что.
Вновь до рая
Дойду
За твоей
Нежностью!

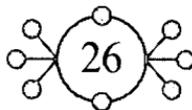
* * *

Хотела сердце я стреножить,
Как летом лошадь на лугу,
Я не хочу тебя тревожить
И не тревожить не могу.

Не потому ли в этот вечер
Я лучшей жизни не хочу,
И, вновь упав к тебе на плечи,
Все что-то нежное шепчу.

Тут просто все и все неложно.
Круг замкнут – не разъединить,
И этот вечер невозможно
Ни оправдать, ни обвинить.

И только утро, только утро –
Еще и солнце не взойдет –
Все на места расставит мудро
И всех заблудших разведет.

* * *

В пути и пусто, и темно,
Не видно встречного,
Но светит мне твое окно
Сквозь вьюги вечные.

И в том окне притушен свет.
Иду с опаскою,
Не знаю: ждет меня иль нет
Мой милый, ласковый.

Что, если скажет мне в ответ
На взгляд мой пристальный:
Не для тебя зажег я свет
На этой пристани!

...И вновь в моем пути темно –
Ни звезд, ни месяца.
Но мне опять твое окно
Сквозь вьюги светится.

ТВОЕ ИМЯ

Когда уходит в сон сознание,
Когда печаль не по плечу,
Я в темноте, как заклинание,
Вдруг имя тихое шепчу.

Оно звучит, как прежде, свято,
В нем много веры, много сил.
Вот так же предок мой когда-то
Вдруг «Господи!» произносил.

И, забывая все бывшее,
Тебя и всех твоих друзей,
Одно магическое слово
Храню я в памяти моей.

Оно во мне живет и дышит,
Как будто талисман живой.
Оно сильнее, значимей, выше
Всех наших встреч и нас с тобой.

* * *

Тебе другие нравятся,
А я тебе не нравлюсь,
С тобой другие справятся,
А я с собой не справлюсь!

А потому и нравятся,
Что далеки их губы,
А потому и справятся,
Что слишком мало любят!

А я в твоих объятиях
Живу и умираю,
А я к тебе – распятием
Руки простираю

И падаю... Ох, падаю!
Сама себя ломаю.
И ладно ли, ох, ладно ли –
Отлично понимаю.

Но где пути из омута,
И как уйти к другому-то?

---

* * *

Я водой заливала,
Засыпала песком,
А она расцветала
Самым ярким цветком!

Я ногами топтала,
Я косила косой,
А она выступала
Чистой-чистой росой!

Я косила – шептала:
«Не моя! Не моя!».
А она мне сказала:
– Нет, бессмертная я!

Не нужны мне хоромы,
Не нужны терема,
А меня похоронишь –
Станешь мертвой сама!

Не топи меня в речке,
Не старайся зарыть,
А занует сердечко –
Не старайся забыть!

Так любовь мне сказала...
...Занимался восток.
Я золой засыпала
Самый яркий цветок.

* * *

Ты не хмурься. Я скоро уеду.
Будет мелкий, навязчивый дождь.
Ты проводишь меня.
Не последним
Ты спокойно с перрона уйдешь.

Только где-то глубоко-глубоко
Затаится грустинка в глазах.
Ты почувствуешь, как одиноко
В этих каменных гулких стенах.

А потом перед сном, на мгновенье
(Иль во сне уже, иль наяву)
Я явлюсь к тебе добрым виденьем,
Тихо имя твое назову.

И нахлынет, как вешняя стая,
Шумным всплеском распахнутых крыл.
Ты поймешь, что меня не хватает,
Ты поймешь, что меня полюбил.

Оживут эти гулкие стены.
В окнах будет светлей и светлей...
Ты поймешь, что боишься измены,
Той далекой измены моей!..

А напишешь письмо – не поверю
(Мало ль, мысли случайно придут).
Осторожно откроются двери,
Ты войдешь. Притворюсь, что не жду.

«Я пришел», – скажешь ты виновато.
Я тоску прочитаю в глазах.
«Не один... Там со мною ребята...»
И не будет дороги назад.

---

* * *

Я не буду писать письма,
Не пойду я за ним по следу...
Может, я приеду сама,
Может быть, совсем не приеду.

Поезд, поезд, мой давний друг,
Не зови меня в эти дали.
Совершая по жизни круг,
Много мы с тобой повидали.

Что мне ехать? Куда? К кому?
Что еще мне искать по свету?
Мой единственный путь – к нему
Под строжайшим теперь запретом.

Нет, не ждет меня теплый кров,
А тяжелые, как удушье,
На любовь – его нелюбовь,
На порыв – его равнодушие.

Совершая по жизни круг,
Все становится вдруг понятно...
Поезд, поезд, потише, друг,
Дай, я лучше вернусь обратно.

СВЕТ

Уехал. Не вернешься назад...
Что звать? Быть может, нам не по пути,
Но долго будет твой кричащий взгляд
Будить меня и вслед за мной идти.

Твои глаза горят в любом окне,
В любой звезде и в капле дождевой...
Зачем горит, зачем идет ко мне
Весь этот свет, зовущий и немой?

Я говорю, а он не говорит.
Он лишь молчит,
молчит,
молчит в ответ...
Хочу уснуть, а он горит, горит...
Какой он беспощадный, этот свет!

---

* * *

Прости – прощай, моя мечта,
Моя жестокая отрада!
И ты – не тот, и я – не та.
И все не так, как было надо!

А без тебя какая жизнь?
Ну что ж, я тихо все приемлю.
Но режут крыльями стрижи
Наполненную криком землю!

МОЙ ЛЕСНИК

Я через речку
Да через рожь,
Да по лесочку –
Все напрямик
Пришла навеститься:
Как живешь
Ты, старый друг мой,
Ты, мой лесник.

Да рассказать тебе,
Как живу
Без этой речки,
Без соловья,
Что очень часто
К себе зовут
Малиной пахнувшие края.

Еще пришла к тебе,
Мой лесник,
Спросить, когда ты
Опять придешь
Все по лесочку –
Все напрямик,
Да через речку,
Да через рожь?

---

* * *

Если б чувствовал ты,
Как твоя мне улыбка нужна!
По ночам мои слезы
Подолгу мне спать не дают...
Если встретимся мы –
Широко улыбнется луна,
Если встретимся мы –
То, наверно, снега расцветут!

* * *

Если виноват – стесняться глупо.
Подойди и кудри опусти.
Купол сердца, словно неба купол,
Все объемлет, видит и простит.

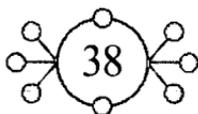
Истина любви... Она простая.
Это ты давно доверил мне:
На плече снежинкою растаять
Или плакать горестно во сне.

---

* * *

Часто я на тебя смотрю,
Часто думаю:
Может, я не тебя люблю,
А мечту мою.

Может, это – былые дни,
Дни весенние.
И нашли меня вновь они,
Нет спасения!

* * *

Я могла бы молчать, молчать,
Стихнув, как ветерок утих,
Только нашей любви печать
Все лежит на губах моих.

Не ломается – не сургуч
И не плавится – не смола...
О, язык любви, ты могуч,
Тяжелы у тебя слова!

Скажешь слово ты – не перечь,
Канешь в душу ты – сражена,
И во рту застывает речь,
Только в сердце звенит струна.

Слышу я везде этот звон,
И гоню его, и ловлю,
И звенит мне со всех сторон:
«Я люблю его, я люблю!».

---

* * *

Успокойся,
Я больше тревожить не стану
Этой щедрой моей
И нелепой любовью,
Только в тихую полночь
Видением встану
Над кроватью твоей,
К твоему изголовью.

И тебе невдомек:
Этой ночью притихшей
Бог сошел с золоченого
Высшего трона
И упал на траву,
Зарыдав, словно нищий.
Покатилась его
Золотая корона.

* * *

Мы и влюбляемся, и плачем,
Стихам не ведая цены,
Хоть ничего для тех не значим,
Кому они посвящены.

Ну, что ж! А, может быть, потомки
(То было б высшей из наград)
Пригреют наших чувств обломки,
И чувства вновь заговорят.

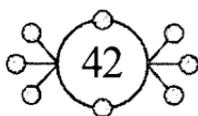
* * *

Открываем сердечных «америк»
Похвастаться я не могу.
Любви уплывающий берег
И ты – на другом берегу.

Два берега – левый и правый,
Две левых и правых руки...
Без веры, без жизни, без права
Мы все-таки были близки.

Но канула в бездну надежда,
Не смея и слова сказать,
А я продолжаю, как прежде,
Смотреть в дорогие глаза,

Покуда они дорогие,
Покуда я боль не таю,
Пока не заглянут другие
Попристальней в душу мою.

* * *

Уймите справедливые упреки,
Что труд в стихах моих не побывал.
Стихов я не выдумывала строки –
Их кто-то мне ночами диктовал!

Нет, не бралась не за свое я дело,
И, кажется, по-своему права,
Я так писала, как душа велела,
Любовь и слезы сплавил в слова!

* * *

Не отдохнув, не разлюбив
Все то, что дорого мне было,
Вдруг снова сердце полюбило,
Обид недавних не забыв.

Дитя природы, вольный дух
Вдруг начинает обновляться.
Все кончилось, чтоб вновь начаться.
Огонь угас, но не потух.

* * *

«Я не унижусь пред тобою»

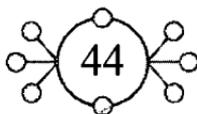
М. Ю. Лермонтов

Я не унижусь пред тобою,
Хоть ты высок, но мне под стать.
Ты можешь стать моей судьбою,
Крылатой песней можешь стать!

Приди, покуда я страдаю,
Покуда я прийти прошу,
Тебя ищу, тобой пылаю,
Тобой, единственным, дышу.

Доволен будь своей судьбою,
Уверен будь в себе, пока
Трепещет, бьется над тобою
Моя печальная строка.

Но ни слезой, ни словом пошлым
Ее не требуй, не буди,
Когда она, оставшись в прошлом,
Не отзовется впереди!

* * *

Ты – просто прохожий,
Уйдешь ты – и нету,
На ветер похожий
Что мчится по свету.

Я верить хочу
В мимолетное счастье
И ветру кричу:
«Останься, останься!..»

Кричу почему я?
Его не догонишь!
Его поцелуй
Щекочут ладони.

Щекочут, смеются
На радость? На горе?
В душе остаются
Надолго, на годы.

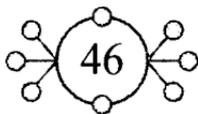
* * *

Александру Грязеву

На сердце будто полюс холода.
Ветра. И кажется, вот-вот
Весь мир разрушится, расколется
И небо в бездну упадет.

Но ветер стихнет, все уляжется
И солнце выйдет посветить,
И вдруг опять тебе покажется,
Что так вот все должно и быть,

Что ничего нас не касается
Лишь только в мире забвения,
Что буря все-таки кончается,
А ты – частица бытия.

* * *

Берег левый и правый...
Волны лъстивы и зыбки.
Добродушной отравой
Покорили улыбки.

Счастье мне улыбалось
Твоим солнечным взглядом,
И тогда мне казалось,
Будто рядом ты, рядом!

Рядом плечи и руки,
Будто нет расстоянья.
Только были разлуки,
Только были страданья.

Дни уже далеки те...
Плачу я от бессилья.
Что же вы не летите,
Мои крылышки-крылья?

---

* * *

У плетня пустеющего сада
Снова провожаю журавлей...
Милый друг мой, мне уже не надо
Опоздавшей нежности твоей.

Тихо очи долу опускаю.
Дум моих не слышат журавли.
Ни цветы – живыми лепестками,
Ни снега мои не расцвели.

Не считаю, сколько пролетело
Тех осенних птичьих верениц.
Без любви душа осиротела,
И шепчу ей вслед: «Вернись, вернись!..»

Я не знаю, сколько будет весен
С этим нежным шелестом берез,
На какое лето лягут росы
От моих невыплаканных слез.

У плетня пустеющего сада
Снова провожаю журавлей...
Милый друг мой, мне уже не надо
Опоздавшей нежности твоей.

* * *

Все кончено. Ни звука, ни строки...
Теперь пора задуматься настала.
Уже под темным ночи покрывалом
Далекие не светят огоньки.

И не понять, что с памятью стряслось –
Все было беспокойно и любимо.
Но дни прошли, и все промчалось мимо
И оказалось: ты – случайный гость.

Да, все проходит. Раз и навсегда,
Хоть мы вперед ушли еще немного.
Но все назад от нас бежит дорога,
И расцветают веснами года.

---

* * *

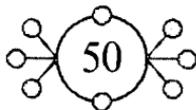
Не знаю я, ты близок иль далек,
Но в сердце слышу музыки звучанье,
Ношу в душе горячий уголек
И слова жду, а мне в ответ – молчанье.

Хочу создать я рай и в шалаше,
Но может быть, стремления напрасны?
Не погуби мелодию в душе,
Не дай же угольку тому погаснуть!

* * *

Нет, уйти мне назад бы,
Да какую тропюю?
Как тебя мне назвать бы,
Есть ли слово такое?

Все слова растяжимы,
Неточны, многогранны...
Самый-самый любимый,
Самый-самый желанный!

* * *

Я хотела тебя забыть,
Но в мечтах ты и днем, и ночью.
Посоветуй же, как мне быть,
Если сердце забыть не хочет?

Нет, не сможешь ты мне помочь...
Строчки, строчки... ложатся сами.
Их не я пишу, это ночь
О тебе говорит стихами.

* * *

Манишь ты меня, хоть и не любишь.
Что со мной ты делаешь? Ответь!
От любви не умирают люди,
Только сердце может умереть.

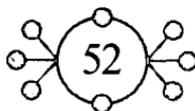
Вот тогда не спрашивай ответа.
Так лови ж огонь, скорей лови!
Пусто человеку в этом свете,
Если сердце глухо для любви!

---

* * *

Милый, сердцу очень тяжело!
И печаль, и грусть...
Ах, зачем любовь с натяжкой,
Лучше лопнет пусть!

Сердце я ключом закрою
Крепкого литья...
Только что мне это стоит –
Буду знать лишь я!

* * *

Посижу, помолчу:
Говори, говори!
Так молчать я хочу
До зари, до зари!

Мне к рукам бы припасть,
Посмотреть бы в лицо,
Только робости власть
Крепко держит плечо.

Надо много сказать,
Но, опомнюсь едва,
Только встречу глаза –
Забываю слова.

Мне бы встать и уйти
От тебя, от тревог,
Только нету пути,
Только нету дорог!

---

* * *

Забыл, забыл!.. Зову – ни звука!
Молчать? Кричать ли «Караул!»?
Ты все – от встречи до разлуки –
Легко молчаньем зачеркнул.

Приди... Явись хоть на мгновенье!
Звать бесполезно! Сумрак. Тишь...
Откликнись! Не хочу забвенья!
...Но как его предотвратишь?

* * *

Я трудно шла на зов любви,
Я верно шла, чтобы воскреснуть,
Твердя себе: «Зови, зови
Свою потерянную песню».

Но светлый луч блеснул как раз,
Он бездну осветил, сгорая.
И снова полночь. Луч погас.
И я стою одна у края.

---

* * *

Ах, как сердце кричит!
Хоть не слышно, но больно.
А вокруг все молчит,
А кругом все спокойно.

И спокоен скворец,
И спокойна береза.
Лишь из раны в коре
Будто катятся слезы...

* * *

Я несу тебе нежность,
А в глазах твоих снежность.
Неужели, любимый,
Снежность неистребима?

Нет, тебе не солгу я,
Свое сердце сожгу я,
Растоплю твою снежность,
Разбужу твою нежность...

Все равно растоплю,
Потому что... люблю!

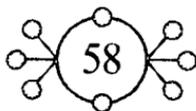
---

* * *

– Не могу без тебя, ты слышишь? –
Закричу я в темень.
Ночь над ухом чуть слышно дышит,
Тихо тикает время.

Я смеяться, смеяться буду
Над своим ненастьем.
Пусть посмотрят, поверят люди:
– Вот у этой счастье!

Да и ты поглядишь с досадой:
– Локоть близко..
Ох, не надо бы, ох, не надо
Сыпать искры!

* * *

Любовь моя, печаль моя
Какою мерой меряется?
А сердце все не мирится,
А сердцу все не верится.

Оно разлуку чуяло,
А я (уж делать нечего!)
Шепчу ему, шепчу ему:
– Все в жизни переменчиво!

Все в жизни переменится,
Все в жизни перемелется...
А сердце все не мирится,
А сердцу все не верится...

---

* * *

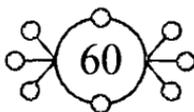
Пройдет и это... Как снежинка
Растает, и вода сбежит...
И той же ты пойдешь тропинкой,
И так же близко будешь жить...

А я, быть может, у калитки
Вдруг встречу новую весну,
Жестокою, как эта пытка,
И вновь до зорьки не засну.

* * *

Ох, как жду я твоего ответа
Каждый день с надеждою шемящей,
Но опять сегодня: «Писем нету!» –
Мне ответил мой почтовый ящик.

И смотрю я на него в смущенье,
Будто он сейчас всему основа.
Но какое мне принять решение?
Может быть, к тебе поехать снова?

* * *

Ты поменьше им верь,
Тем, кто ходит с доносом.
А запри лучше дверь
Перед самым их носом!

Ты не верь их слезам,
На слова не надейся,
Лучше глянь мне в глаза –
В них же светится сердце!

ПРОСТИ

Ты мне нравишься. Честное слово!
Только капельку, только немножко,
А люблю я совсем другого,
Где найти мне к нему дорожку?

И за то, что я вечер каждый
В мыслях только его встречаю,
Друг, прости меня хоть однажды,
Как его я всегда прощаю!

---

* * *

Мы не все друг другу рассказали –
Лишь обломки чувств, обрывки речи.
В нашей жизни, словно на вокзале,
Только расставания и встречи.

Только встречи те уж очень кратки
И стократ длиннее расставанья.
Встретиться нельзя нам без оглядки,
А легко ль любить на расстояньи?

Да и кратких встреч не так уж много –
Тем дороже ласковое слово.
Пред тобою – долгая дорога,
Предо мною – ожиданье снова.

Вот опять не те слова сказали,
Душу понапрасну беспокоя.
Вот и снова я, как на вокзале,
Все машу вослед тебе рукою.

* * *

Страданье видеть перестал,
Страдание высокое...
Ты по лицу меня хлестал
Словами, как осокою.

А я была совсем нема –
Вот это расставание!
Нет, я сидела не сама,
А только изваяние.

А я смотрела в те глаза –
Далекие-далекие.
Чего-то ты не досказал –
Ходил вокруг да около.

А кудри черные твои
Так разливались волнами!
В душе умолкли соловьи.
Ты не спросил, не больно ли?

Поднялся, запросто ушел
От очага погасшего...
Тебе, наверно, хорошо!..
Мне каково – не спрашивал.

---

* * *

Теперь, когда шагаю мимо я,
Не спросишь, как идут дела,
А я была твоей любимую,
Твоей единственной была.

А вспомню – и самой не верится,
Что целовал средь бела дня,
Что по крутой высокой лестнице
Ты на руках носил меня!

Но погоди, еще припомним мы,
Да так, что хоть стихи пиши,
Как пригоршнями, счастья полными,
Тебя поила я в тиши.

И станет близким все далекое,
Вся боль, все радости, вся жизнь...
Какими меряется сроками
Мое забвение, скажи?

Молчишь. В глаза мне смотришь пристально.
Я думаю: хоть жизнь груба,
Но, может быть, на дальней пристани
Меня иная ждет судьба...

* * *

От дождя проливного намокли
Клены, листья резные клоня...
Что ты так неприветливо смотришь
Из-под темных ресниц на меня?

Может, вымолвишь нежное слово
Хоть одно – и рассеется грусть.
Коль такой ты сегодня суровый,
Что ж, сама я тебе улыбнусь!

Ну вот видишь – светлеет дорога
И от туч проясняется высь,
И куда-то исчезла тревога,
Да и брови твои разошлись.

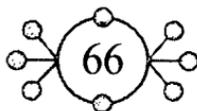
---

* * *

Обещания, как снег, —
Выпали — растаяли.
Обещания, как смех, —
Сыпали — оставили.

Мне снежинок не собрать —
Тают, разливаются.
Мне смешинки не поднять —
Снова рассыпаются.

Все сиди одна, гадай:
Любится — не любит...
Лучше ты не обещай
То, чего не сбудется.

* * *

Я скажу тебе: «Счастливо!
Уходи к другой, счастливо!».
Очень просто, очень лживо
Я скажу тебе: «Счастливо!».

А какое ж это счастье,
Если сердце рвет на части?
Все не просто в этом мире,
Все не дважды два – четыре!

Если сможешь оглянуться,
Может все назад вернуться,
И печали и тревоги
Улетят с моей дороги.

Оглянись же! Сердце просит,
Ветерок слова уносит,
И кричат седые дали:
«Вы кому любовь отдали?»

---

* * *

Не в силах больше жить,
Себя превозмогая,
И черных больше нет
Ни ночи и ни дня!
В преддверие любви
Войду, как в двери рая,
И влажный запах рос
Окутает меня.

По росам пробегу,
Как в юности, крылата,
Березу обниму,
Оставлю ей печаль,
И расскажу ей все,
Чем я сейчас богата,
Что хочется мне петь
И ничего не жаль.

И пусть она меня
Вовек не понимает,
На этом вот речном
Цветущем берегу
Шепну ей жарко то,
Что, лишь себе внимая,
Я от чужих ушей
И глаз уберегу.

* * *

Месяц, а не день, не два,
Как тебя не вижу я,
И твержу, твержу слова:
«Выдержу и выживу!»

Долго глаз мне не сомкнуть
С памятью непрошеной...
Хоть приснись на пять минут,
Милый мой, хороший мой!

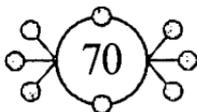
---

* * *

Пусть хотя б на несколько минут
Я твоей мечтою овладею,
Счастьем пусть глаза твои блеснут
И меня проводят, молодея.

Нет, не надо! Вдруг до сердца я
Дотянусь невидимой рукою,
Ведь моей сильнее боль твоя...
Нет, нельзя лишить тебя покоя!

То назад я от тебя бегу,
То себя надежду питаю,
Все воспоминанья берегу,
Только как забыть тебя – не знаю.

* * *

Опять сегодня, как когда-то,
Гудят во мне колокола,
Опять былая боль утраты
В душе иголкою прошла.

Опять мечты мои далеко,
На том забытом берегу,
И в темные глазницы окон
Я наглядеться не могу.

Смотрю, не брызнет ли в тумане
Один далекий огонек.
Но из туманных очертаний
Привет никто послать не мог.

И в окнах тихо. Даже звезды
Не светят в мглистой вышине,
И лишь один туманный воздух
Ворвался в форточку ко мне.

И в это самое мгновенье,
Как память дней, которых жаль,
Пусть глаз твоих, как дуновенье,
Коснется тихая печаль.

Заставит вспомнить, словно диво:
В одном далеком далеке
От фонарей ночных красиво
Горели свечи на реке.

ГЛАЗА ЛЮБИМЫЕ

Глаза любимые
Сверкают плесами,
И отражается
В них небо осени.

Глаза любимые –
Глаза далекие,
А мне все кажется:
Вы где-то около.

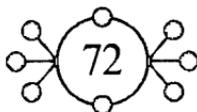
Без вас и шагу я
Одна не сделаю,
Меня ведете вы
Дорогой смелой.

А потеряю вас –
Я стану вдруг слепа,
Не знаю, где идти,
Не знаю, где тропа.

И перед мукою
Я с вами выстою,
Я с вами сильная,
Я с вами чистая.

Вы улыбаетесь –
Мне тоже радостно,
А вы печалитесь –
Мне тоже тягостно.

Глаза любимые –
Глаза далекие,
А мне все кажется:
Вы где-то около.

ЦВЕТЫ

Цветы... Они нужны, как нежность,
Как вдохновенье, как любовь...
И астр пушистых белоснежность,
И скромность синих васильков...

Увидев их, пройдёшь ли мимо?
Цветком – улыбка на устах.
Недаром дарят их любимым,
Недаром праздники – в цветах!

* * *

Высоко летала
И сладко парила...
В раздумье стою,
Опершись на перила.

И нет у меня
Никакого сомненья:
Чем выше летаешь,
Тем горше паденье.

МОЕЙ РОДИНЕ

Манили южные широты
И зарубежные красоты,
Мы к ним привыкнуть не могли.
Но есть на свете скромный город,
За ним раскинулись просторы
Родимой Харовской земли.

Цвети, земля, и будь свободна.
Из дня прошедшего – в сегодня
Всегда дорога нелегка.
Тропинка, как от сердца вена,
Меня ведёт к родной деревне,
Над ней шумят-бегут века.

Моё родное пепелище.
Здесь и вода, и воздух чище,
И даже небо голубей.
Здесь всё любимое до боли:
И этот луг, и это поле,
И стайка сизых голубей.

Моя районная держава,
Моё отечество и слава,
И наяву, и в сладком сне
Тобой живу, тебя лелею,
Тебя люблю, тобой болею.
И я в тебе, и ты – во мне!

* * *

Посажу на луговине,
С бабками покою,
Полюбуюсь на картины,
Что вокруг да около.

Пендус, Луг, Дудиха, Пlosка –
Всё места знакомые...
Снова детства отголоски
Мне они напомнили.

Дом родной... Но в нём чужие
Судьбы продолжают,
Только лица, мне родные,
Больше не встречаются.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Восток краснеет.
Тишь. Морозно.
Встает из труб упругий дым.
Уж небо растеряло звезды
И стало нежно-голубым.

И ночь пустилась без оглядки...
А следом, разгоняя тень,
Родился и привстал на пятки
С пеленок красный новый день.

* * *

*...Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..*
М. Исаковский «Русской женщине»

БАБЫ

Бабы, бабы! Когда порою
Попадёшь на их строгий суд,
Все-то косточки перемоют,
Всех-то предков перетрясут!

Бабы, бабы! Вам всё прошаю,
Говорите. А я сейчас
Заварю-ка покрепче чаю
Да с мороза согрею вас.

Новостей я услышу ворох:
Этот умер, женился тот,
Соберёмся опять не скоро,
Ведь работа – она не ждёт!

– Эка дура Смирнова Натка,
Вишь, нашла себе мужика...
– Видно, нет в женихах достатка,
Вдовья доля-то не легка!

– И за волосы натаскает,
Экой пьяница заводной!
А потом, глядишь, приласкает –
Всё же лучше, чем жить одной!

И судачат себе, судачат,
Забывая минутам счёт,
И пророчат себе удачу,
А удача-то не идёт.

Скажет Анна:

– Вот руки слабы,
Так и ноют в метельный час!
Эх, на отдых нам надо, бабы,
Только кто же заменит нас?

Трудно. Все разлетелись дочки –
Им другие брать рубежи.
Только жизнь не поставит точки,
А бежит себе да бежит.

Вам бы жить не десятки – сотни
Лет. И то не хватило б их...
– Что же, бабы, пора на скотный,
Самовар-от, смотри-ко, стих!

И поклонятся на прощанье
По-привычному, невзначай...
Звонко бьют часы расставанье.
На столе остывает чай.

МАМА

Глаза слезами полнятся.
Бегут-шумят года...
– А помнится, ох, помнится,
Была я молода!..

Начнет-пойдет рассказывать
Про прежнее житье,
Все узелки развязывать –
Все в памяти свое,

Далекое и близкое –
Все было да прошло!
Какой чудесной книжкою
Оно бы стать могло!

Сидим вдвоем.
По комнате
Уже гуляет ночь.
– А помнится, ох, помнится...
Не знаю, чем помочь!

ДОМОЙ

Я давным-давно не была
В снежном и родимом краю.
Сыпкая метель замела
Детскую тропинку мою.

Мама не посмотрит в окно –
На стекле узорчатый лёд,
Солнышко не всходит давно,
Вьюга все метет и метет.

К дому я дорожку торю,
Уж до самых-самых сеней,
Открываю дверь, говорю:
«Мама, принимай-ка гостей!»

Вижу, мать у печки сидит,
Волосы блестят на висках,
Красные угли шевелит,
«Здравствуй», – и упала клюка.

Вместе мы сидим у огня,
Сказываю, как я живу.
Мать зовет в деревню меня,
Я ее все в город зову.

Тяжко это, как не понять! –
Повидать родные края.
Так вот и сидит у огня
Мать моя, старушка моя.

* * *

Я помню, мать меня просила,
Когда мне было лет пятнадцать:
– Ты дерево руби по силе,
А то недолго надорваться!

Но, мудрость эту не усвоя,
Порой к себе теряя жалость,
Бралась за самое большое,
Что на пути мне попадалось.

И падала, и надрывалась,
И плакать часто приходилось,
А мать сердилась, мать ругалась:
– В кого такая уродилась?

И, провожая до вокзала,
Хоть деревенский мир и узок,
Она мудрей меня и знала,
Что в жизни много перегрузок.

А я, о прошлом не жалея,
Не в силах совладать с собою,
Беру все то, что тяжелее,
Беру из жизни только с боем!

И так, как день ушедший прожит –
Напропалую, без оглядки,
Промчусь по жизни и, быть может,
Я упаду в неравной схватке.

И скажут люди, умывая
Мое лицо белее мела:
– Чего ж такая молодая?..
– Да жить, наверно, не умела.

В ПОЛЕ

Ну, здравствуй, некошенный луг!
Привет тебе, поле родное!
Какое раздолье вокруг!
Все полно красотой и покоем.

Здесь скромно травинки цветут
И смотрят открыто ромашки,
И через тропинку бегут –
Торопятся с чем-то букашки.

И столько вокруг синевы,
Полднейного яркого зноя!
Здесь сразу забудете вы
Все мелкое, чуждое, злое.

Как я, посмотрите в зенит –
Там столько добра и простора,
И песня оттуда звенит
Про что-то свое и простое.

ДЕТСТВО

Сразу выбегу, только одеться.
Мама милая, ты не грусти,
В недалекое синее детство
Ненадолго меня отпусти!

Я хочу подарить всем знакомым,
Все хочу я сквозь жизнь пронести:
И заросшую тропку до дома,
И цветы, что цветут на пути.

Все, что лучшее в жизни, — здесь было,
Все, что светлое, — здесь началось...
Нет, родимая, я не забыла
Как несладко порою жилось!

Помню все. Только я не про это.
Не смотри же встревоженно ты!
Я — про жаркое-жаркое лето,
Про луга, про девчат, про цветы...

Мне не верится: было ли время,
То, когда и беда — не беда,
И тяжелое бремя — не бремя...
Но когда это было? Когда?

Было. Помню, когда извещенье
С фронта братову смерть принесло.
Этой черной записки значенье —
Нет! — до сердца тогда не дошло!

Ну, не плачь же, я больше не буду!
Перед тем, как отправиться в путь,
Я хочу разузнать, как же люди
Нынче в нашей деревне живут?

– Хорошо,— говоришь? Вот и ладно!
Нынче будет в полях урожай.
Слышу, слышу:
– Хоть пишешь ты складно,
Да почаще домой приезжай!

– Я приеду. Но надо на поезд.
До свиданья!
...По краешку дня
Я иду. И пшеница по пояс
Снова в детство вернула меня.

АННА

Светлой памяти монахини
Анны Боровиковой

«У сороки боли,
У вороны боли,
А у Нины заживи».

Ту припевку бабушка певала –
Опекала старая меня.
Дров охапку принесет, бывало,
Да присядет около огня.

И расскажет, что на этом месте,
Где наш дом, тут раньше был пустырь,
И о том, что надо б стать невестой,
Да ушла однажды в монастырь.

У нее ни дому и ни лому,
Хорошо, коль люди приютят.
Подчиниться б чувству молодому –
Вот и радость – нянчила б внучат!

Целовала старая икону,
Все молитвы знала назубок,
Подчинялась Божьему закону,
На нее смотрел со стенки Бог.

В этом понимала я не много –
Неоткуда было понимать...
Вот, бывало, схоронюсь за стогом,
И заставлю бабку поискать.

«Ой, куда пропала, озорница,
Ну-ка выдь, пожалуюсь отцу!..»
Но шумела весело пшеница,
И трава металась по лицу.

Ах, родное, милое раздолье
Да рябин дурманный сладкий цвет!..
Только в сердце отзовется болью –
Анны нет! Старушки больше нет!

Было страшно. Было в мире пусто.
Но, оставив здешние дела,
Жизни нерастраченные чувства
Анна щедро мне передала.

ЗАВЕТ

Не забывай слова родные,
К которым с детства ты привык,
Такие добрые, простые –
Родимой местности язык.

Я их в стихи не допускаю –
Понять не каждому дано,
Но долго мысленно ласкаю,
Когда вдруг вспомнится одно.

Ему я радуюсь, как другу,
И принимаю, как завет,
Бегу девчонкою по лугу,
Куда давно дороги нет.

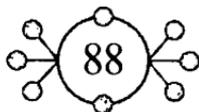
* * *

Последний луч ушел за окаем,
Последний ветер стих на ветках зыбких,
И тишина блаженною улыбкой
Повисла над натруженным селом.

Закат истлел и медленно потух.
И ночь сошла недолгим полумраком.
Вот где-то вдруг залаяла собака
Да чей-то в полночь прокричал петух.

Утихло все до утренней зари.
И первый луч, подкравшийся с востока,
Подсмотрит все своим горящим оком,
Как станут пробуждаться косари.

О наковальни косы застучат,
Проснется скот, захлопают ворота.
И позовет горячая работа
До самого последнего луча.

ПРОЩАНИЕ

Вот опять зазмеился по рельсам,
Разрывая вдали синеву...
Ох, не жди ты меня, не надейся.
Больше я не приеду в Москву!

Пусть прольются слезинками росы,
Пусть растопчет цветы вороной,
Брошу, брошу любовь под колеса,
Светлой тенью пройду стороной.

И тебе улыбнутся девчонки,
Будут звезды смотреться в траву,
Но на самой веселой вечерке
Я веселье твое оборву.

И ты вспомнишь под пенье хмельное
Вологодский далекий вокзал,
Где сидел, как прощался со мною,
Что сказал мне и что не сказал.

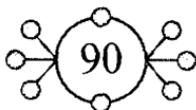
---

* * *

Ухожу и мосты рублю –
Сердцем созданные мосты.
Я все так же тебя люблю,
Так люблю, как не можешь ты.

Ты к такой любви не привык.
Я прощаюсь и ухожу,
И письмо, как последний крик,
Я спокойно в конверт вложу.

Знаю, будешь мосты мостить
В ночь бессонную не одну,
Не смогу я тебе простить
Неосознанную вину.

* * *

Нет любви давно,
Но, лишь душу тронь,
Как в костре бревно,
Опалит огонь.

И, огнем согрет,
Станет ярче свет,
Нет его теплей
И прекрасней нет!

И теперь, мой друг,
Я с собой борюсь:
Погасить боюсь
И разжечь боюсь!

ВЕТЕР

– Ах, какой ты, ветер,
От тебя не скрыться! –
Негодуют ветви,
Негодуют листья.

Но не слышит ветер,
Спорить с ним впустую,
Поднимает ветер
Вьюгу золотую.

* * *

Ах, поезд, поезд!
Обрывки речи
Да мимолетная
Прелесть встречи,

Где – только взглядом,
Да сядешь рядом,
Да скажешь слово –
И выйдешь снова!

А поезд мчится
Все дальше, дальше,
Вагон на рельсах
Танцует вальсы.

СОН

Мы ушли с тобой далеко,
И тропинка бежит в овсах.
Будто белое молоко,
Разлилась по земле роса.

Нас ведет к ручейку тропа –
Он, бессонный, всегда журчит.
Завтра ночью ты будешь спать,
А вот он никогда не спит.

Знаешь, что тебе подарю? –
Пей с ладоней моих облака,
Даже утреннюю зарю
Я тебе принесла в руках!

Что-то хочется мне сказать,
Мы совсем одни у реки.
В душу смотрят твои глаза,
Как осенние васильки.

И горит, горит небосклон,
А навстречу нам – облака...
Мы одни... Это только сон,
Удивительный сон пока.

СНОВИДЕНИЯ

Я летаю во сне,
В 30 лет я летаю во сне!
Говорят, в этом возрасте
Люди уже не летают,
Лишь бегут и бегут
По песку, по колючей стерне.
Злые силы их там
Неизбежно, как рок, настигают.

Я сначала бегу,
Но такая пора настает,
Когда хищник уж руки простер,
На меня покушаясь,—
Стали крыльями руки мои,
Я рванулась в полет,
И плыву над домами,
Над сворою злой потешаясь.

В сновиденьях ночных
В синем небе я птицей живу.
Если можно — хожу по земле,
Если трудно — летаю.
Не удержишь меня:
Руки вскину и вплавь — в синеву,
И туда полечу,
Где удача меня ожидает.

* * *

Зачем приходишь ты ко мне,
Зачем ночами,
И в этой жуткой тишине
Гремишь ключами?

Ты ходишь в комнате пустой,
А мне – ни звука...
«Постой, постой, – кричу, – постой!
Опять разлука?»

А ты в ответ мне тишину
Со звоном бросишь,
Посмотришь тихо на луну
И снова ходишь.

А я шепчу тебе: «Устал...
Прерви молчанье...»
Но крепко сомкнуты уста,
В глазах – прощанье.

---

* * *

Счастье мое горькое,
Счастье мое слабое,
Горками все, горками,
Горками да ухабами!

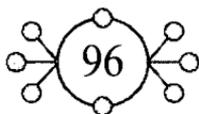
Я – на ветру веточка,
Что мне скворцы-щеголи?
Милый, пошли весточку –
Ждать мне тебя долго ли?

Если не спишь ноченьки,
Щеки слезой выбелит,
Станут тускнеть оченьки,
Сердце в золу выболит.

Слушаю я шорохи:
Вдруг постучишь – скажешься.
Если другой – под руку,
Тысячу раз скаешься!

Встреча ли ждет близкая,
Или печаль просится?
Как бы сказать – высказать,
Что на душе копится?

Счастье мое сильное,
Счастье мое слабое...
Я уж теперь вызнала –
Быть тяжело бабою!

* * *

Когда страшит одиночество,
Не радуется солнцу весеннее,
Есть у меня Творчество,
Это – мое спасение.

Когда жить совсем не хочется
И все вокруг – невезение,
Есть у меня Творчество –
Единственное спасение.

МОИМ СТИХАМ

Сажу над белою страницей
И чем живу, о том пою.
Мои стихи, мои зарницы,
Вы осветили жизнь мою.

В вас живо всё: и быть, и небыль,
Вы все – души моей лучи:
То сильной вспышкой – в полнеба,
То слабым всполохом в ночи.

---

* * *

Как мы порой не замечаем,
Что дни бегут. А дни бегут.
И забываем, забываем,
Что где-то наших писем ждут!

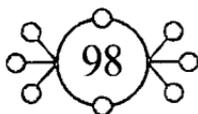
С друзьями новый день встречаем,
Страдая, споря и любя,
И жизни той не представляем,
Когда никто не ждет тебя!

* * *

А на крыше дожди, дожди
Заплетают свой переплет,
Говорят мне: «Не жди, не жди,
Не придет и не придет...»

Ты открой мне такой секрет:
Как решать мне мои дела?
Если писем все нет и нет,
Значит, память уже ушла.

Не придешь и не придешь,
И выходит: живи сама.
А на улице снег и дождь —
Значит, скоро уже зима.

* * *

Поговорили. Объяснились.
Я жду: вот-вот ко мне придешь,
Чего ты ждешь, скажи на милость?
Ну объясни, чего ты ждешь?

Какие песни напевает
Тебе ночная тишина?
Спроси ее – она-то знает,
Что я одна. Всегда одна.

Не потому, что мне негоже
Жить и волнуясь, и любя,
А потому, что нет дороже
Такого милого – Тебя!

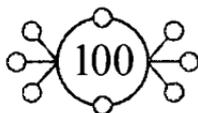
Таких, как ты, совсем немного,
Всего один – на всю страну.
Прошу: найди ко мне дорогу,
Из всех дорог – всего одну!

---

* * *

Что, если на Земле Тебя не будет?
Что, если на Земле Тебя не будет?
Умолкнут птицы в знойном поднебесье.
Черемухи весной не расцветут.
И в мире будет пусто и мертво –
Не для меня все будет в мире этом.
Предательски снежинки закружатся,
Напоминая, как с тобою в гости
Бежали мы... И так же мягко
Все падали и падали снежинки
На кудри непокорные твои...

Мне надо сделать всё,
Чтоб жил ты в мире!

* * *

Вещь как будто простая,
Только – чудное чудо! –
Подойдешь – и растаю,
И упреков не будет!

А ведь сколько копила
Всяких колких словечек,
Их язвительной силой
Свою душу калеча!

Подошел – закипело,
Зашумело ручьями,
Что-то звонко запело,
Заиграло лучами.

Стало небушко выше,
Стало жить интересно...
Почему ты не слышишь
Эту чудную песню?

* * *

Я тебе принесла весну.
Ты не чувствуешь – ты продрог.
Видишь – солнечный луч блеснул,
Лишь вступила я на порог!

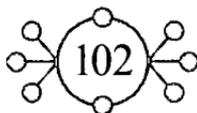
Ты почувствуй ее красу –
Станет жизнь тебе дорога,
В лето жаркое унесу,
В зноем пахнувшие луга,

Где всю ночь говорят ручьи,
Где, как шелк, холодит трава,
Росы там и руки мои
И чудесные там слова!

* * *

Весна распахнула окошко мое –
Свободная птица!
Она ручейком мне на ухо поет
И в сердце стучится.

А сердце давно уж готово принять
Приятную новость,
На все, что угодно: от счастья плясать
И плакать готово!

ПОГАДАЙ МНЕ, ЦЫГАНКА!

Я не верю гаданьям,
Вещим снам, предсказаньям...
Погадай мне, цыганка!
Перед правдой не струшу,
Успокой мою душу,
Погадай мне, цыганка!

Может, ты нагадаешь,
Что его ожидает
Дорогая дорога,
Будет он в моем доме,
Мой крестовый знакомый...
Нагадай, ради Бога!

Пусть все будет, как прежде,
Дай хоть пищу надежде,
Сердцу бедному – радость,
Мое платье простое
И кольцо золотое
Тебе будет наградой.

А я буду, как прежде,
Жить счастливой надеждой –
Нет ценнее подарка!
Мне сейчас мало значит,
Что все будет иначе...
Погадай мне, цыганка!

МУЗЫКА

Когда сижу я в комнате одна,
Одна, свободна от мирских оков,
Чужие, неземные письмена
Прольются сверху строчками стихов.

Я разгадать стараюсь каждый слог,
Созвучья непонятные ловлю,
Напев их многозвучен и высок –
Я музыку высокую люблю.

Сегодня пусть к стихам душа не льнет,
Но знаю – песня где-то в вышине.
А значит, вновь мелодия придет,
Чтобы побыть со мной наедине.

СОЛОВЕЙ

Вы так влюбленно посмотрели –
И вновь весна в душе моей.
И вновь насвистывает трели
Мой развеселый соловей!

Один Ваш взгляд – ему спасенье.
Ужель прошел мой черный день?
Сегодня радостно, весенне,
И соловью свистеть не лень.

Ко мне весна приходит редко,
И потому прошу Вас я:
Не запирайте снова в клетку
Мое веселье – соловья.

ОБЛАКО

Какое облако плывет
В небесном блюде:
То белый кот, раскрывши рот,
То серый пудель.

То словно сизых птицы две
(Скажи на милость!)
Поплыли в ясной синеве
И растворились.

То ветер тучку пронесет
В небесной чаше...
Изменчиво в природе все.
Как в жизни нашей.

* * *

Утром было тихо и тепло,
Из-за леса солнышко всходило.
Птица вдруг ударилась в стекло.
Неужели, бедная, разбилась?

И пока стояла птичья звень,
Я с тоской глядела людям в лица.
Было страшно в этот красный день
За себя, за ближних и за птицу.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Как тепло! И ночи дивные!
Все утихло. Ветры спят.
Потемнела леса линия,
А над ней горит закат.

Вдалеке мелькает платье,
Слышен шёпот за кустом,
И луна по небу катится
Золоченым колесом.

АВГУСТ

Глубокая таинственная ночь
Легла на отсыревшую дорогу,
И ветерок ушел куда-то прочь,
И только свежесть веет понемногу.

Ничем не потревожит тишина,
И сон окутал все дела земные.
Но вот большая круглая луна
Вдруг осветила призраки ночные.

Неясная искрящаяся медь
Ржаное поле все позолотила.
Здесь только сердце может разуместь
Во всем большую дремлющую силу.

* * *

Моя холодная заря,
Какую предвещаешь осень,
Ужели скрылась неба просинь
И скоро время сентября?

Но это будет. А пока
Я жду хорошую погоду,
И в эту медленную воду
Заглядывают облака.

НЕ НАДО ПЕЧАЛИ!

Все солнцем согрето.
Не скоро морозы.
И бабьего лета
Летают стрекозы.

Тепло и прохлада,
Грудь дышит глубоко.
У ближнего сада
Хлопочет сорока.

Но что так тревожно
Грачи закричали?
Печаль невозможна!
Не надо печали!

ОСЕННЕЕ

О, неужели, неужели
Вся жизнь вот так и будет литься,
Хоть наши чувства отгорели,
Как эти медленные листья?

А на душе свежо и мглисто.
Вспоминанья, как в тумане.
По ним, как по опавшим листьям,
Осенний
Дождик
Барабанит.

СНЕГ

Выхожу я на рассвете
За водою свежую.
Все дома поймали в сети,
Всех людей поймали в сети
Паутинки снежные.

Вижу чудо: через сети
Побежали в школу дети,
Люди удаляются –
Сети раздвигаются.

Стали улицы седыми,
Но как будто молодыми –
Светлыми и нежными,
Все окутано не дымом –
Лепестками снежными.

---

* * *

Выйди на воздух морозный
Ранней рассветной порою,
В час, когда поздние звезды
С утренней спорят зарею.

Как далеко, посмотри ты,
Провода льются полоски,
И позолотой облиты
Белые кудри березки.

Стройные модницы-ели
Зелены, словно весною,
Белые шапки надели,
Ветви накрыв бахромою.

Ветер морозом подышит,
Чтоб на тебя подивиться.
Щеки пожаром запышут.
Иней украсит ресницы.

БЕРЕЗКА

Стройна и легка, и наивна
Стоит на речном берегу,
Как тоненькая балерина –
Березка в глубоком снегу.

И кажется: дунет лишь ветер
И вслед за собой позовет –
Вдруг по полю, как по паркету,
Березка легко поплывет.

Пронизана солнечным светом,
В коротеньком платье своем.
Тончайшее кружева веток
Природа сплела для нее.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

В новогоднюю ночь
Пред тобою в долгу:
Ни понять, ни помочь –
Ничего не могу!

А чего понимать?
Все ясней и ясней,
Что вдвоем помолчать
Очень хочется мне.

Если б рядом ты был –
Это смысл мой и суть –
Ты бы сердцем светил
Мой завьюженный путь.

Но кругом тишина...
Как снежинкам расцвести?
И приносит волна
Новогоднюю весть...

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Зима еще не ставит точки
И видит утренние сны,
Но чувствуется в каждой почке
Рожденье жизни и весны.

Хоть ветер свеж, но влагой дышит,
И потеплевший, южный он
И ветви трепетно колышет,
И отмечает зимний сон.

АПРЕЛЬ

Хитер апрель: теплом поманит,
Румяный солнца каравай
В окошко весело заглянет –
Хоть в легком платье выбегай!

В нем манит все: и серый камень,
И темный снег, и синь небес.
Он разольется ручейками,
Ласкаясь, под ноги тебе.

Не только первому не верьте –
И весь он хитрый, весь он лжет.
Из-за угла холодный ветер
Вдруг зимней стужей обожжет.

И по ночам все с той же стужей
Зима проходит напролом
И так скует и снег, и лужи,
Что не разрубишь топором.

Но осуждать апрель не надо –
Он ручейками говорит.
Зима покуда ждет пощады,
Да не дождется – вся сгорит!

* * *

Все труднее дорога назад,
Все тесней замыкается круг...
Я так много хочу рассказать
О себе, мой единственный друг.

Так давай соберемся в тиши
Да у печки вдвоем посидим,
В сокровенные тайны души
Мы друг друга давай посвятим.

Да посмотрим, как угли, шурша,
Превращаются в пепел седой...
Потихоньку оттает душа,
Станет снова совсем молодой.

И наступит тогда тишина.
Только руки друг друга найдут,
Будут нежно звучать имена
И слова, что из сердца взойдут.

СПАСИБО!

Разреши мне влюбиться в тебя –
Я хочу напоследок влюбиться.
Ни тебя, ни себя не губя,
Я смогу и уйти, и проститься.

Ах, как сладко с тобою молчать
И ловить эти теплые волны,
Мою легкую лодку качать
И дышать глубоко и привольно.

И хотя недалек берег твой,
Я не стану искать к нему тропку.
Ты мне в душу плесни синевой –
Заночую я в облаке легком.

А наутро на землю слечу
Так свободно, легко и счастливо.
Дорогой, я молчу, я молчу.
И за это молчанье – спасибо!

* * *

Теперь, когда много покоя,
(Настала такая пора!)
Бывает, настигнет бывшее
И спать не дает до утра.

И что это сердце так радо –
Я, право, не знаю сама,
Ведь было-то несколько взглядов
Да три откровенных письма!

Из старых бумаг извлекаю
Я чуть пожелтевший конверт
И будто бы с пылью сметаю
Десяток уж прожитых лет.

И строчки, забытые строчки,
Взорвавши покой, и уют,
Меня настигают и точки
Поставить никак не дают.

Как в пору мою молодую
Сошло вдохновенье само,
И мысленно в даль дорогую
Пишу золотое письмо,

Как там, в моей жизни усталой,
На трудном ее рубеже
Так тихо и так запоздало
Душа постучалась к душе.

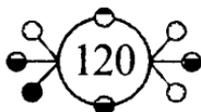
* * *

Юрию Малоземову

В природе весенняя нега.
Сбежали в канавы ручьи.
Деревья очнулись от снега
И точат побеги свои.

С еще необжитого поля
Грачиный доносится грай.
Гуляй же, весенняя воля!
Ты, жизнь молодая, играй!

Мне хочется трудно иль праздно
У неба занять высоты,
У поля – проснувшейся жажды,
У юности – светлой мечты!

* * *

Как весна проснулась рано!
Солнце греет. Небо ясно.
И черемуха, очнувшись,
Расцвела на Первомае.
...Ветры с севера подули,
И снежком припорошило
И траву, и тротуары...
А соседка – ах, соседка!
Сверху вылила на ветку –
На цветущую на ветку!
Воду грязную с балкона.
Ветка вдруг обледенела,
И на ней повисло много
Грязных маленьких сосулек...
Ах, соседка!

НОВЫЕ ЛИСТЬЯ

Виктору Плотникову

От слабого ветра
Легко и обильно
Проходим под ноги
Листва облетает.
Смешается с грязью,
Покроется пылью
Осеннего леса
Краса золотая.

В прощальном тепле
Отогревшись, щемяще
Живая душа
Отзовется невольно,
И от ошущенья,
Что все преходяще,
Становится грустно,
Становится больно.

Но верую я –
Катастрофы не будет,
И пусть эта вера
Навечно со мною, –
Что новые листья
И новые люди
Украсят природу
Грядущей весной.

* * *

Мне говорят: «Унынье – грех».
Но, Боже мой, какие силы
Душе помогут взмыться вверх,
Когда вокруг все так уныло?

И я одна среди бумаг,
И в темноту уходят тени
Моих надежд,
И всюду мрак,
И студит душу
Дождь осенний.

* * *

Опять я думала – дорога,
А снова вышло – перекресток,
Мне в жизни надо так немного,
Но это малое – непросто!

Я СТРОЮ ДОМ

Я на песке сыпучем строю дом
И все мечтаю: заживу я в нем!
Да только вот внезапно поняла,
Что строить дом я с крыши начала,
Что мир зыбуч
Да и песок сыпуч...
Лишь светлый луч
Сияет между туч!

ДРУЗЬЯМ

Мои друзья со мною всюду:
Меня ведут, во мне живут,
И верю, что из прозы буден
На общий праздник позовут.

Нет, нас не разольешь водою,
И годы нас не разлучат...
Когда друзья мои со мною,
Лихие недруги молчат!

ГДЕ ВЫ?

Как частушек распевы
Вечерком хороши!
Где вы, девушки, где вы?
Всем хоть письма пиши!

Стало вдруг одиноко
Средь задумчивых строк,
Заколоченных окон
И заброшенных троп,

Где до зорьки бродили
Мы по росной траве,
А теперь вы в Сибири,
На Алтае, в Москве...

Прохожу я деревней,
Но безмолвна она,
И, пугая, в ней дремлет
Тишина... тишина...

У родимого крова
Только слышно в ночи:
Гулко «мыкнет» корова,
Да петух прокричит.

Как бывало, частушки
Не звучат у реки...
Где вы, где вы, подружки,
Где же вы, пареньки?

ЗВОНОК ИЗ ЮНОСТИ

Здравствуй, Рита Щербакова!
Как из юности привет,
Голос твой я слышу снова
Через сорок с лишним лет!

...Снова я сижу за партой
И историю зубрю,
Города ищу на карте
И с тобою говорю.

Снова памятью вернулась
В наши милые края...
Здравствуй, Рита! Здравствуй, юность!
Здравствуй, Пундуга моя!

НОВЫЙ ИСТОЧНИК

Когда заболеем, когда заскучаем,
Мы с радостью едем в любую погоду
Сюда, где от всех неудач исцеляет
Живая вода и живая природа.

Припев:

И точно, и знаем мы точно,
Что нам будет трудно с тобою расстаться.
Источник, ты – светлый источник
И нашей надежды, и нашего счастья.

Мы тайные мысли доверим друг другу,
Надышимся вволю мы воздухом хвойным,
Любимые песни споём на досуге,
И станет нам снова легко и спокойно.

Припев.

Идут дни за днями. Закончится сказка,
Но в сердце надолго останется с нами
И будет звучать, как недолгая ласка,
То словом, то песней, друзей голосами.

Припев.

---

* * *

У каждого – своя пята:
Моя соседка – попрошайка.
А та – на руку нечиста.
А эта – слову не хозяйка.

Вон тот напился, как свинья,
А этот скуп, а тот повеса...
Пята у каждого своя,
Примерно, как у Ахиллеса.

* * *

Что случилось с душами людскими?
Стало меньше светлых огоньков.
Близкие становятся чужими.
Люди превращаются в волков.

Я друзей стихами не пугаю
И тревожных песен не пою...
...Что, как вдруг нагрянет волчья стая
Прямо в душу нежную твою?

БАРДАК

Бардак в умах,
Бардак в делах,
Бардак в суммах.

Бардак в суде,
Бардак в еде,
Бардак везде...

В душе бардак.
...А жить-то как?

ПАМЯТИ КОТА РЫЖИКА

Открываю настежь двери –
Всё душа не хочет верить,
Что теперь на целом свете
Не найти тебя, не встретить.
И одна среди стен и книжек
Всё шепчу я: «Рыжик, Рыжик!..»
И ищу по белу свету
Я того, кого уж нету.

КРЫША

Николаю Рубцову

Мы были бездомными, Коля,
Но словно родная семья,
И те, кто не знал этой доли,
К нам не набивались в друзья.

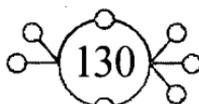
Все вместе ходили мы к Неле –
В семейный налаженный быт,
А после брели еле-еле
В общагу меня проводить.

Сказал разволнованный Чухин,
Нашедший у бабки уют:
– Вот ходят какие-то слухи,
Что нам по квартире дают!

И ты усмехнулся, невесел,
Прервав размышления нить:
– Сережа и уши развесил.
Ключи не забудь получить!

А годы неслись молодые,
И были с тобою друзья,
Такие простые, земные,
Как Неля, Сережа и я.

Мы долго скитались по свету.
Пожил ты в квартире своей
Всего только годик – до смерти,
А я в комнатухе – поздней.

Спрошу я у Господа Бога,
За душу себя теребя:
Откуда сегодня так много
Друзей развелось у тебя?

И пишут, и пишут, и пишут,
И хвастают, совести нет,
А дали бы вовремя крышу –
И жил бы великий поэт!

У ПАМЯТНИКА РУБЦОВУ

Ты жил, как Бог, без хлеба и без крыши.
Любой приют – твой временный причал.
Ты говорил – народ тебя не слышал,
Народ других провидцев привечал.

...Давно звенит твое святое имя,
И все, твоей причастные судьбе, –
Провидцы – оказались вдруг слепыми...
О, как они завидуют тебе!

ДРУГ

Сергею Чухину

– Неплохи дела у нас, Сережа,
Видишь, Яшин тоже обласкал! –
И пошире кажется дорога,
И повыше вроде облака.

Мы идем, утешенные взглядом,
Словом ободренные, идем...
И везде-то мы с тобою рядом,
И всегда-то мы с тобой вдвоем!

Не беда, что, обещанья давши,
Яшин скоро позабудет их.
На двоих нам неудачи наши
И удачи – тоже на двоих!

На двоих нам легче жизни ноша.
Нас с тобою не разъединить.
Ты – мой друг – не меньше и не больше.
Разве может что-то больше быть!

Да, любовь... Но мы других любили.
Это уж из оперы другой.
Там и встречи, и разлуки были,
Это правда, друг мой дорогой!

День листом осенним отлетает –
Не принес с собою ничего...
Как тебя сегодня не хватает –
Истинного друга моего!

* * *

Сергею Чухину

Почему мне одной
В этой комнате тесно,
Хоть просторна она,
Будто весь белый свет?
Все звучат и звучат
Приглушенные песни,
Кто-то должен прийти,
Но кого-то все нет.

Мне бы просто уснуть,
Мне бы просто растаять
И уйти от всего,
Что тревожит меня,
Но летят и летят
Журавлиные стаи,
Мне тревожные окна
О чем-то звенят.

А родной небосвод
Облаками весь выслан.
Ни к чему мне уют,
Если нет в нем тебя!
И качает прилив
Мою тихую пристань,
И гудки пароходов
Призывно трубят.

И летят журавли
В край далекий и южный –
Все к теплу,
Только мне оставляя пургу.

Мне не надо тепла,
Ничего мне не нужно,
Только дайте мне песню –
Без нее не могу!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Моя отвергнутая муза
Скиталась по родной земле.
Была она – не «член Союза»,
Но наступил конец зиме.

И то, что в закромах лежало,
И что от сглаза береглось,
Вдруг хлынуло водою талой
На скатерть белую полос.

И строки в жизнь вошли, ликуя,
И отлетело воронье.
Я приняла любовь людскую
Как воскресение мое!

ИЛЬЕ СЕЛЬВИНСКОМУ

Загадочен мир интуиции –
Ты очень поверил в мою,
Сравнив меня с певчею птицей,
Летящей к родному жилью:

«Как выверен взмах ее крыльев,
Как легок и точен полет,
И кажется, что без усилия
Она свою песню поет.

И радость, и боль в этой песне,
Прислушайся к ней, не дыша,
Шагая тропинкою вешней...
И вся истомится душа!»

БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ

*Допеты все песни – и точка.
И хватит, и хватит о том.
Быть может, какая-то строчка
Осталась еще за бортом,*
Б. Окуджава

Не все еще песни пропеты.
Не все еще сказано, нет!
Бессмертные дети – поэты.
Вы – именем Бога поэт.

Кружатся, кружатся колеса,
Но в сторону им не свернуть.
А Вам слишком рано – с откоса,
Вы свой продолжаете путь.

Не ставьте, пожалуйста, точку,
Так много еще за бортом,
И там Ваша Главная строчка –
Ее не забудут потом!

КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

Привет Кулиеву Кайсыну –
Кавказских гор большому сыну
От наших северных лесов,
От звонких птичьих голосов
И от моих полей родных, –
Поскольку нет меня без них!

ТАТЬЯНЕ ВОЛОТОВСКОЙ

Пролетело сорок пять
Быстро, без оглядки.
Вот и стала ты опять
Ягодкою сладкой!

Ну и пусть идут года –
Нам-то что за дело!
Только надо, чтоб всегда
Ягодка алела!

АРИАДНЕ

До чего нам светло и отратно,
Между нами, друзья, говоря,
Что у нас родилась Ариадна,
По преданию – дочка царя.

С этих пор мы овеяны славой,
Той, что рядом мы с нею живём,
Очень мягкой, немного лукавой
И прекрасной в обличье своём.

И сегодня, как верного друга,
Мы посадим её на престол –
В центре нашего славного круга,
За уставленный яствами стол.

Каждый скажет о ней очень складно,
Что красива она и умна.
Будь здорова, душа – Ариадна,
Будь же счастлива – мать и жена!

И настанет тот день долгожданный:
К свету выведет нас, наконец,
Путеводная нить Ариадны
И её лучезарный венец!

ВАДИМУ ДЕМЕНТЬЕВУ

Ты подарил мне оконце в весну,
И на душе зажурчали ручьи.
Луч из-за леса так ярко блеснул.
Хлынуло солнце в покои мои.

Зимнему царству приходит конец.
Скоро капель будет праздновать бал.
Ты мне сегодня, как ранний скворец,
В зимнюю вьюгу весну прокричал.

ГЕННАДИЮ КОРОТАЕВУ

Благодарю тебя, мой друг!
Ты подарил мне бор сосновый
И воздух, чистый и здоровый,
И этот первозданный луг.

Какая тихая краса!
Тебе я благодарна очень
За то, что я с утра до ночи
Здесь слышу птичьи голоса.

И ярок свет, и зелен лист.
Без пастуха гуляют козы,
И средь лужайки три березы,
Как три сестренки, обнялись.

ДОМАШНЯЯ

Кто к Рубцову, кто к Яшину,
Только я – никуда...
Я такая домашняя,
Как судак в неводах!..

На стене – фотографии...
Как мы были дружны!
Мне теперь одомашнивать
Все четыре стены.

Только, мне, одомашненной,
Больше выхода нет...
И Рубцову, и Яшину
Посылаю привет!

НАЧАЛО ОСЕНИ

Уж стали прохладнее ночи
И дни уж не так высоки,
Еще незаметная осень
Твои отмечает виски.

В ней много грядущей печали
И всякого много добра.
Она – и раздумий начало,
Плодов и итогов пора.

И так хорошо окунуться
В прохладное это тепло,
Покуда ветра не проснутся
И листьев еще не снесло.

* * *

Уж ночь давно, а все не спится.
Какие мне вершить дела?
Бумаги чистая страница
На стол передо мной легла.

И я, желая разрешиться,
Чтоб все увидеть наяву,
Бумаги белую страницу
Своим спасителем зову.

Я ей одной хочу поведать
Всю горечь дней моих и мук.
О, что мне слава, что победа,
Коль есть такой надежный друг!

---

* * *

Стихи нечаянно придут
И растревожат, обожгут,
И уведут от всех болезней.
Не знаю, явятся ли вновь.
Они приходят, как любовь,
Что кажется всегда последней.

* * *

Меняет время очертанья
И наших лиц, и наших душ...
Одни всю жизнь идут к познанию,
Другие – ловят жирный куш.

Во дни суровых испытаний
Не дремлет алчное ворье –
Ему не надо лишних знаний...
В итоге: каждому – свое!

ЖЕНЩИНАМ-ПОЭТАМ

*«По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой...»*

А. Блок

Вас ограничивала жизнь
Земным пределом,
А вы отважно занялись
Неженским делом.

Среди забот, трудов, обид,
За всей текучкой
Как успевали вы следить
За малой тучкой?

В глаза злословили враги,
Смеялись хамы,
Вы ж выпекали пироги,
Полив стихами.

Вы есть во всех земных делах,
За все в ответе,
Стихи же – на вторых ролях,
На первых – дети.

Так постарайтесь сохранить
Детей духовных,
А вдруг окажутся они
Живучей кровных!

---

* * *

Я устаю от прокламаций,
От истерических певиц.
И от рекламных информационных,
И от разнузданных девиц...

А как прекрасно отключиться
И насладиться тем сполна,
Как время быстрое струится,
И что-то шепчет тишина.

* * *

...А память, сдернув покрывало,
Вдруг обнажит бывшие дни...
Моментов светлых было мало,
Но тем и дороги они.

* * *

Просыпайся! И свободно
Глянь, каким ты стал с утра.
Человек живет сегодня,
А не завтра, не вчера.

Где вчерашние печали,
Боль, что трудно превозмочь?
Все на темном покрывале
Унесла с собою ночь.

У КРАЯ

И если кто-то вдруг
Кромсает жизнь твою,
И если предал друг
У бездны на краю –

Все силы собери,
Чтоб выстоять в борьбе,
И сам себе не ври –
Есть мужество в тебе!

Предателя гони,
Ведь он предаст еще,
А другу подверни
Надежное плечо.

...А впереди все мрак –
Ни свечки, ни звезды...
Но если даже так, –
Иди, ищи и жди!

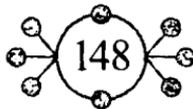
И верь: благая весть
Придет наверняка,
Что в этом мире есть
Надежная рука.

---

* * *

И жизнь – права, и смерть – права.
Мы все в свои уходим сроки.
Все правы... И мои слова
Пусть не покажутся жестоки.

И мы не ведаем пока:
Жить будем мало или много.
Всем правит Высшая Рука,
И всем намечена дорога.

НАСТРОЕНИЕ

Да, жизнь моя была жестка –
Мело, студило.
Напала смертная тоска
О том, что было.

Как память тех далеких дней
Болит, тревожит,
И предьявляет иски мне,
И всё итожит.

Идут, мелькают в тишине
Родные лица,
Но невозможно с ними мне
Наговориться.

И невозможно их обнять.
И сжать до хруста...
Мне эту истину понять
Сегодня грустно.

В какой далекой стороне
Не спят ночами?..
Они – со мной. Они – во мне.
В моей печали.

Когда на скорбную черту
Ступлю – не знаю,
Просить прощения сочту
И всех прощаю.

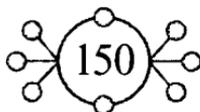
Январь 2000 г.

---

* * *

Как лист сорвется
С осенней ветки,
За ним – другие,
Уходят люди,
Сначала – редко,
Потом – все чаще
В миры иные.

...И снова осень.
И лист багряный
Опять кружится
Легко и плавно...
Друзья уходят,
И с каждым – жизни
Моей частица
Уходит в Тайну.

* * *

Александр Цыганову

В часы, когда природа дремлет,
И ты один в тиши вечерней,
Остановись, послушай Время.
И ощути его течение...
Такими тихими часами,
Я думаю: что будет с нами?..

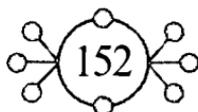

ВСТРЕЧА НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Новогодняя ночь
Пахнет елью и снегом.
Позади у меня
Целых тысяча лет.
Льется в душу мою
И с деревьев, и с неба
Серебристо-зеленый
Мерцающий свет.

В этот час вспоминаю
О давнем и милом...
И уже от волненья
Горит голова.
Тесно в клетке душе.
Воспаря над миром,
Тихо шепчет она
Неземные слова.

*31 декабря 2000 –
1 января 2001 года*

* * *

Были радости, невзгоды...
Но, пока стремились ввысь,
Пролетели быстро годы,
Как на тройке пронеслись.

Время, друг, не остановишь...
Сним иль бодрствуем пока —
Всё течет, напрасно ловишь
Всё по капле: кап да кап...

* * *

Оттрещал январь, и март растаял,
И душисто лето отцвело,
К югу повернули птичьи стаи,
Вновь деревья снегом замело.
Год как день прошел.
Но повторится!
Пусть подольше это чудо длится.

КАК ЛЕТИТ ВРЕМЯ!

Новогодние дни
Отшумели, отпели.
Новый век натянул
Золоченое стремя.
Десять святочных дней,
Как снежинки, слетели,
Утонули в реке
Под названием Время.

Так же быстро
И снежный февраль отметелит.
Отшумят, отжурчат
Шаловливые воды.
Отзвенит это чудное
Время капли,
И начнется опять
Обновленье природы.

Всё вернется, вернется:
Лугов ароматы,
Звуки лета
И вечные краски заката...
Не вернется лишь то,
Что так в памяти свято,
Не вернутся лишь те,
Что ушли без возврата...

21 января 2001 г.

ЧАСЫ ПЕСОЧНЫЕ

О, жизнь моя – часы песочные,
Во всех веках необходимые,
Такие хрупкие, неточные,
Но, как и жизнь, неумолимые!

Средь мира бодрствующе-спящего,
Средь суеты и сора пошлого
Шуршат песчинки настоящего,
Спешат из будущего – в прошлое.

...И день зарею начинается
Такой роскошной и волнующей...
Песчинки верхние кончаются...
А сколько там песчинок – в будущем?

1 сентября 2000 г.

ПРОШЕДШЕЕ

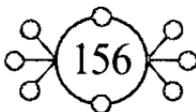
Мне кажется, я так давно живу!
А жизнь летит, летит, не устая.
Прошедшее я вижу наяву,
А в нем – моя кибитка кочевая.

Она светло летит через года,
Она уже не знает расстоянья,
Мелькают лица, села, города,
События и встречи, и прощанья...

Я так свое прошедшее люблю!
И знаю все: кто друг, а кто предатель.
Я отблески мгновений в нем ловлю
Почти как посторонний наблюдатель.

Ты моего прошедшего не тронь,
Не смей входить в него, не зная страха!
В нем есть всегда величественный трон,
И слава, и забвение, и плаха.

4 июля 2000 г.

* * *

Однажды я стану остывшей планетой.
Умолкнут гудки, тишиною звеня,
Все бури земные, земные приметы
Не будут, мой милый, касаться меня.

И есть от раскаянья верное средство –
Найти оправданье сгоревшей судьбе:
Оставлю и я небольшое наследство –
Я людям оставлю стихи о тебе.

Опять без тебя день сегодняшней начат,
И тянутся годы, о встрече скорбя..
Другая девчонка украдкой поплачет
О том, как я грустно любила тебя.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Италмаз НУРЫЕВ

ДЖОРАЕВУ

*«Имя, национальность, военный чин
неизвестны, фамилия Джораев...»*

Из надписи на братской
могиле в Белгороде

Я да Вечный огонь у могильной плиты.
Ночь с дежурством расстаться не может.
«Слушай, Вечный огонь, что же думаешь ты?
Что тебя так все время тревожит?»

Я стою. Я подвинулся ближе к огню –
Стало больше печального света,
И истории старой страницу одну
Он мне этою ночью поведал.

«Я горю и не гасну ни в бурю, ни в дождь,
Что же дало мне право такое?
Цели чувствуешь сердцем – ты тоже поймешь:
Не огонь я, а нечто другое.

Помню Белгород. Пули свистят, словно дождь,
И солдатам порой не подняться,
Но твердили врагу: «Все равно не пройдешь,
Пока живы, мы будем держаться!»

По-геройски сражались они до конца,
Сохранили походное знамя,
Но в атаке сожгли молодые сердца...
Я – сердец их нетленное пламя».

Так стою я, подавшись немного вперед.
Скоро ночь постепенно растает.
Тут история мудрая слово берет,
Золотые страницы листая:

«Они храбрыми были в тот памятный день,
Честь ценили они больше жизни.
На странице моей словно черная тень –
Они пали в тот день за Отчизну.

Я Джораева помню и всех, кто там был...
Все они – мои славные дети.
Я спросила его: «Как зовут? Где ты жил?»
Но джигит ничего не ответил.

Я спросила: «Как имя отца твоего?»
«Джора» – тихо в ответ прозвучало.
Больше он не успел мне сказать ничего,
Его тело на землю упало.»

А по небу проходят, резвясь, облака.
Снег холодный все сыплет и сыплет.
Я стою у могилы, как возле дровца...
И сверлят мою голову мысли.

«Джора, Джора... Джораев... Быть может, земляк?..
Может, воду он пил из Лебаба,
Может быть, мы один с ним курили табак
И гоняли волну на Мургабе?

Чей он родом? Неважно. Он просто герой!» –
Так стоял я и думал глубоко.
В ту минуту мелодия песни простой
Донеслась до меня издалека:

«Запиши же слова этой песни, поэт,
Распевай эту песню повсюду,
И любовью народной ты будешь согрет,
Люди песню твою не забудут.

Из пробитой груди родилась я на свет,
Еще сердце пробитое билось...
И запомни, поэт, нужно песню запеть,
Если песня на свет появилась...»

Разгораясь зарею, приходит рассвет.
Залил свет и могилу, и крыши.
Я да Вечный огонь. Никого с нами нет,
Только память о братьях погибших.

(Перевод с туркменского)

Олег ОРАЧ

ЧУМАКИ

Дорогой маме

Где кончается путь, по которому шли чумаки?
Где же эти волы, сыты и крутороги?
Чумаки, чумаки, где вы, дети мои,
По каким разлетелись дорогам?

Ох, и что там за степь?
И какая земля?
Что с нее все бегут – непонятно.
Чумаки, чумаки, вы, родные мои,
Я прошу вас – вернитесь обратно.

Я нагрēju воды,
Вам помою чубы.
Накормлю вас родимую пищей.
Чумаки, чумаки, голубочки мои,
Ой, вернитесь в родное жилище.

Наша хата стара, по колено в земле,
А соседи обдергали стреху.
Чумаки, чумаки, дорогие мои,
Ой, вернитесь же нам на утеху!

(Перевод с украинского)

Владимир ПИДПАЛЫЙ

СТАРЫЙ АИСТ

Отлопатил тысячи миль.
Отмахал...
А когда не стало
В глазах – зоркости, в крыльях – сил,
Приземлился куда попало...

Переждал...
А минула ночь,
Осмотрелся, не смог поверить,
И метровку битых ног
Украину принялся мерить...

(Перевод с украинского)

Владимир ПИДПАЛЫЙ

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Свой стиль в рассвете, свой высокий дух.
Чуть слышно дышит свежая прохлада.
Деревья, словно демоны, в саду,
А огородный запах свеж и сладок.

Роса ли капнет – и пробудит тишь,
Заря ль займется, словно удивленье,
Заплачет ли калитка – подхвати
Земной аккорд людского пробужденья.

(Перевод с украинского)

Аман АШИРОВ

ДИАЛОГ С МОРЕМ

- Почему бушуешь, море?
- Не могу я жить без песен.
- Почему ломаешь берег?
- Этот мир мне очень тесен.

- Почему так воеет ветер?
- Я с ним дружбу не нарушу,
Так поет свои он песни,
Что мою волнует душу.

- Как поэт, поешь ты песни
О свободе, о просторе...
- Быть поэтом очень трудно,
Я всего лишь только море.

(Перевод с туркменского)

Назир ХУБИЕВ

ПРИДИ

Уходит ночь за горные хребты,
Усталый ветер спать прилег в саду.
Под кленами, что так любила ты,
Я вновь и вновь тебя напрасно жду,
Приди.

Орел могучий в утренней тиши,
Крылом касаясь розовой зари,
Навстречу дню грядущему спешит...
Хотя б одно свиданье подари,
Приди...

Вот скачет всадник к дому своему,
Седые к небу тянутся дымки,
Пойми же ты, мне зябко одному,
Я так хочу в руке – твоей руки,
Приди...

Вот солнце поднялось, прогнало дым,
Цветы целует и тепло дарит...
Мы на Эльбрусе вместе посидим,
Он от тюльпанов весь огнем горит,
Приди, приди, приди...

(Перевод с карачаевского)

Назир ХУБИЕВ

ТОСКА

Как часто, говорят, я зеркало беру
И на себя смотрю я неотступным взором.
Внимание к себе такое не к добру –
Оно у нас в горах считается позором.

Любимый старший брат мой не пришел с войны,
Ворвались в наш аул враги остервенело
И карточку его сорвали со стены.
И бросили в очаг. Она в огне сгорела.

Частенько мне теперь рассказывает мать
О брате, что погиб вдали от гор любимых,
Что очень на меня похож был брат Ахмат,
И болен я теперь тоской неисцелимо.

И потому подчас я в зеркало смотрю.
Обычай не забыв, пишу я строки эти.
Смотря глаза в глаза – я с братом говорю,
Забыв, что это я живу на белом свете.

(Перевод с карачаевского)

Назир ХУБИЕВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В белый снег оделись горы.
Ночь упала на вершины.
Спи, малыш. В такую пору
Спят и горы, и долины.
Спи же, мой орленок горный,
Ночью непроглядной, черной.

Облака легли седые,
Снег пушистый обнимают.
А березки молодые
О весне во сне вздыхают.
Ласточка моя, усни.
Спи спокойно до весны.

Вон метель бушует, злится,
Что так долго темень длится.
Но орленку сладко спится
Под крылом большой орлицы.
Спи и ты, орленок мой,
Глазки-звездочки закрой.

Водопад застыл покорно –
Силы буйные иссякли.
Чутко спит котенок черный
У порога старой сакли.
Спи же, рыбка золотая,
Речка скоро не оттает.

Смотрит тур недвижимым оком
Из своей пещеры черной.
И в снегу ночном глубоком

Тихо спит аул наш горный.
Спи, хороший мой туренок,
Снег и холоден, и звонок.

Вон во сне крылами машет
Твой весенний белый голубь.
Где-то спит и солнце наше,
И пока долины голы,
Спи, мой белый голубочек,
Крепко спи до первых почек.

(Перевод с карачаевского)

Валерий ГУЖВА

НАСТРОЕНИЕ

Невесело мне что-то, не смешно...
Какой там смех, когда тебе под тридцать,
И озеро надежд твоих давно
Успело вязкой ряскою покрыться.

Но я сижу над озером, сижу...
Стара фуфайка, плохо греет плечи,
И в будущее тихо я гляжу,
И мудрость постигаю человечью.

– Ужели вправду плохо жизнь идет? –
Прохожие кивают удивленно.
– Нет, – отвечаю, – дождь еще не льет,
А, значит, жить пока на свете можно.

Кому скажу, что мне нехорошо?
Знакомым до того и дела мало.
Печаль пройдет, как этот день прошел...
...Вон солнце на закате засияло.

(Перевод с украинского)

* * *

Я пью за дядю.
В орденах вся грудь –
Они войной Отечественной даны.
Под кителем мой дядя носит раны,
А в памяти – веселие и грусть.

За дядю пью.
Он честный человек.
Не променял земли своей, не пропил.
Нет, съездить в город он совсем не против,
Но в сердце Поле Дикое навек.

За дядю пью
И за его сынов,
Что, как отец, родную землю любят,
За потолок в доме, как белый лебедь –
Простое небо хлеборобских снов.

За дядю пью,
За наш крестьянский род –
В нем крепостных отроду не бывало,
За то, чтоб жито вечно колыхалось,
И шло бы счастье на его порог.

За дядю пью,
За всю мою родню,
Она измен не знает и лукавства.
За то, чтоб никогда не отрекался
Я от нее,
И ношу нес свою.

Угузев

За дядю пью.
За всех я дядек пью,
Что кормят честным хлебом Украину,
Стоят в бою, покуда не погибнут
И тихо любят Родину свою.

(Перевод с украинского)

Михаил ХОНИНОВ

МЕЧТА О СЧАСТЬЕ

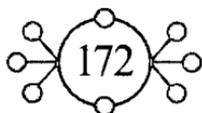
Настал тот день, пора пришла –
Я косу заплела тугую.
Мечтой о счастье я жила,
А счастье выбрало другую.

И нету в том моей вины,
Что наша юность поседела,
В жестоком пламени войны
Дотла любовь моя сгорела.

Погибли и отец, и мать –
Все вынесла я жизни ради.
Кто мог меня тогда понять?
Кто руки мог мои погладить?

Проходят дни, идут года,
Всю нашу жизнь деля на части,
Но, как и раньше, я всегда
Живу моей мечтой о счастье.

(Перевод с калмыцкого)

Лайма ЛИБЕН

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО СТАРИКА

Это – последнее лето мое,
Это – последний мед.
Пчелы грустят, и солнце мое
Мне тепла не дает.

Мокнет клевер под мелким дождем,
Липы цветут лениво,
Но никогда я не видал
Таких закатов красивых!

Но никогда не чувствовал я,
Как травы пахучи!
Время бежит мимо меня,
Я ему не попутчик.

И пробегает детство мое
Босыми ногами.
Первая радость, первая грусть
И первый страх – на память.

Идут школьные зимы мои,
Лета летят пастушьи...
Лето подсолнухом машет мне
И что-то звенит: послушай!

А потом – война и любовь –
Среди военной пыли.
Жаль, ничего нельзя удержать,
Можно лишь помнить были.

Зрелые годы на плечи мои
Давят грузом давним,
Много было печали, забот,
Много было страданий.

Четыре сына есть у меня,
Растут шумливые внуки.
Где есть веселая ребяшня,
Там не бывает скуки.

Но это – последнее лето мое,
И я понимаю – скоро
Меня увезут уже навсегда
На ту вечную гору.

Но жить останутся сыновья,
И эти сосны, и тучи...
И мне моих мечтаний не жаль,
И трав не жаль пахучих.

Жаль одного: плох медонос,
И солнце мое не греет.
Жизнь получила бы больше от нас,
Будь она к нам щедрее!

(Перевод с латышского)

Лайма ЛИВЕН

ОДЕЯЛО МОЕЙ БАБУШКИ

Лоскутное одеяло бабушки моей!
Лоскутки она сшивала много, много дней.

Синий лед толчется – значит: на земле весна.
Вот кусок фаты невесты – светлый, как она.

Желтый, словно одуванчик, – фартук у жены.
У рябины горько, горько листья зажжены.

А всего-то больше черных, как печаль в ночах,
Тех, что тлеют одиноко, превращаясь в прах.

Лоскутки полны печали, и темно в окне.
Бабушка, зачем дарила одеяло мне?

(Перевод с латышского)

Анатолий ГРЕЧАНИКОВ

* * *

Над Белой Русью белый снег,
Как будто чистое томленьё,
Как будто светлое спасенье
За самый затаенный грех.

Запахнет на рассвете снег
Малиново-прозрачным соком,
Сад, розовеющий во сне,
Зазвонит тихо возле окон.

Унынье – прочь! Сомненья – прочь!
И ощутить помогут звуки,
Что не было счастливых встреч,
Что не было еще разлуки.

Что только есть единый свет,
Свет разливающийся, снежный
И что отчаяния нет,
Что все ушло, осталась нежность.

Когда ж тревога полоснет
Иль станет грустно почему-то,—
Над Белой Русью белый снег
Представь себе хоть на минуту.

(Перевод с белорусского)

Шейитханум АЛИШЕВА

Я – КАРА-ЧАЧ*

Я – красавица Кара-чач,
Башня так моя высока.
Будь ты молод и будь горяч –
Не открыть моего замка.

Сколько ты ни зови, скорбя,
Слезы мне, как тебе вода,
В камень я превращу тебя,
Станешь каменным навсегда.

Я – волшебница Кара-чач,
Знаю, вижу тебя насквозь,
В вышине не ищи удач,
Мой случайный незванный гость.

Да, я слышу, путник, твой зов,
Не откликнусь, не стану звать,
Видно, очень сильна любовь,
Что ты каменным хочешь стать!

Может, камня любовь сильней,
Может, вспыхнет она, лучась,
Через камни пройдет ко мне...
Я – красавица Кара-чач.

(Перевод с кумыкского)

---

* *Кара-чач* – черноволосая, имя красавицы из кумыкской легенды.

Амир ГАЗИ

* * *

– Почему же впустую провел ты весь день? –
Я соседа однажды спросил.

– Потому,– говорит,– что сегодняшний день
День вчерашний собой повторил.

– Что ж работаешь ты от зари до зари? –
Я другого спросил наугад.

– Потому, что сегодняшний день,– говорит,–
Никогда не вернется назад,

(Перевод с даргинского)

Василий ГОЛЬДЕРОВ

МАХТАЛ*

За ласку, за добро и за привет
Всем добрым людям, что в пути встречал,
И даже тем, кого в живых уж нет,
Я от души не высказал махтал.
И оттого так никнет голова,
Что слишком поздно вдруг понятно нам:
Сердечные сокрытые слова
Подобны нераскрывшимся цветам.
Вас, дорогие спутники, мои,
Стихами, как цветами, одарю,
Примите же слова моей любви,
Хоть слишком поздно их я говорю.

(Перевод с якутского)

---

* Махтал – спасибо.

Василий ГОЛЬДЕРОВ

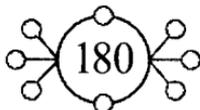
* * *

С годами
я тоскую по весне,
По лету
и по осени печальной,
И бередит сильнее
душу мне
Зимы суровой
утренник прощальный.

И солнечный
сверкающий закат
День ото дня
милее и дороже,
И то,
что не воротится назад,
Мой разум занимает
и тревожит.

Иль мудр я стал,
скажи мне, человек,
И книга жизни
предо мной открыта,
Иль оттого,
что так короток век —
Летит,
как кем-то брошенная бита?

(Перевод с якутского)

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К ПОБЕДЕ!

(или Почему меня не издавали 27 лет?)

*Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!*

Николай Рубцов

Почему я так долго не поступала в институт...

Когда открылась у нас средняя школа (Пундужская), и я пошла в 8 класс, произошло слияние мелких колхозов в один большой – весь сельский совет стал колхозом «Россия». Это было огромной ошибкой – не было руководителя такого масштаба. Отец мой стал бригадиром в своем бывшем колхозе. Дело было пущено на самотек. Колхозники по-прежнему работали, но на трудодни ничего не доставалось: ни денег, ни зерна. Кроме того были еще и налоги, платить которые было нечем. К нам пришли, сделали обыск и забрали в счет долга швейную машинку и папин плащ. Больше у нас ничего не было. Кроме того, не дали никому накосить сена на корову, а то, что было запасено дома, все увезли на скотный двор. Сохранить удалось только овцу – выручили березовые веники, да еще несколько кур.

Вот в таких условиях я пришла учиться в 8-й класс. Еда – картошка, капуста, огурцы, лук, редька. Выручала картошка. Земля у нас песчаная, и она росла белая, рассыпчатая, вкусная. Очень нравилась северянам и проводникам поездов на северном направлении, покупали ее на продажу. На станцию Пундуга за 5 км женщины возили картошку на санках. У каждой по мешку. Поезда стояли по 1–2 минуты. Успела продать – купишь хлеба в железнодорожном

магазине. Если нет – и хлеба нет. Вот такое у меня было питание три года: 8-й, 9-й и 10-й классы.

В одном классе со мной учился брат В. И. Белова Иван. Все три года от голода он казался прозрачным. Мы с ним были лучшими учениками в классе. Отец не выдержал, заболел. Это был 1955 год – год окончания школы.

Колхозники паспортов не получали – только справки из колхоза, а это не давало права на прописку в городе. Председатель колхоза направил меня в Тотемскую сельхозшколу учиться на бухгалтера. А когда я вернулась, председатель был уже другой. Все места были заняты. В поисках работы поехала в Харовск. Там поработала заведующей Лещевской избой-читальней. Мама позвала домой. Там освободилось место счетовода в сельпо – все-таки хоть какие-то деньги получу. Работа оказалась временной – на период декретного отпуска. Выручила родная школа, приняли школьным библиотекарем на полставки. В семье появились небольшие деньги. Не прошло и года, как меня уволили из школы – одному из учителей не хватало нагрузки. Пришлось полгода поработать в колхозном радиоузле – опять бесплатно. Тут случайно и встретились мы с Джанной Тутунджан. Как она ярко отразила в своем рисунке мое желание учиться! Отец мой, Груздев Василий Васильевич, проработавший 18 лет председателем всегда передового колхоза, много лет болел, и только за год до смерти дали ему персональную пенсию 40 рублей в месяц. Умер он в 1960 году. Ему было 67 лет. Наконец, в июне 1960 года освободилось место заведующей нашей сельской библиотекой, и меня приняли на постоянную работу. В то время колхозникам вообще не давали ни пенсий, ни паспортов. Маме дали половину пенсии отца 20 рублей в месяц. А в 1961 году вышло постановление партии и правительства, в котором разрешалось давать студентам ВУЗов стипендию, учитывая материальное положение. Я сразу подала заявление в Вологодский пединститут на историко-филологический факультет и поступила! Так я дождалась своего часа. Маме, худо-бедно, можно было

прожить на 20 рублей, и у меня была, хоть и маленькая, стипендия.

Стипендии явно не хватало, мать помочь не могла, и я заболела. Стала подыскивать работу. Неожиданная помощь Леонида Николаевича Буркова – майора УВД помогла мне стать журналистом. По его рекомендации меня приняли на должность литературного работника многотиражной газеты «За трудовые успехи». Сдавая экзамены за 1-й курс пединститута, я одновременно постигала новую работу. А газета эта была непростая – для заключенных области. Строился Волго-Балтийский канал – не секрет, что строили его заключенные. В Шексне было четыре колонии: три мужских и одна женская, две в Белозерском районе и одна в Вытегорском. Литсотрудники в газете долго не задерживались.

Еще в Пундуге, когда я работала в колхозном радиоузле, а потом и в библиотеке, я была внештатным корреспондентом районной газеты. Её редактор Степан Михайлович Морозов часто публиковал мои стихи и корреспонденции от заметки до очерка. Это помогло быстро освоить работу. Редактор сразу же ушел в отпуск, и я больше месяца одна выпускала газету. Справилась отлично! Ставка была 110 рублей (в «Красном Севере» корреспонденты получали тогда 60–70 рублей в месяц). С первой же полочки я купила, наконец, зимнее пальто!

В институте пришлось взять академический отпуск на год – подвело здоровье, но с работой справлялась. В писательской организации меня приняли хорошо. Стихи мои стали печатать областные и районные газеты. А через год я уже стала учиться на вечернем отделении Вологодского пединститута на втором курсе.

Как только я ушла с очного отделения, пришлось искать жилье. Вологда начала 60-х была сплошь деревянная. Квартиры были только у высокого начальства. Семьи занимали комнаты. Немного пожила в комнате вместе с бабушкой, скоро к ней приехал кто-то из родственников, и я нашла комнату, в которой жили три человека: мать с сынишкой, узкое место было отгорожено деду, и там

нашлось место моей раскладушке. Дедушка был совершенно слеп, ночи не спал и очень пугал меня. Вскоре я нашла другую комнату на Кривом переулке. В ней жила мать со взрослой дочерью. Удобств, кроме электроосвещения, в таких домах не было. Вода – на уличной колонке, мыться в бане, белье – в прачечную. На кровати – хозяйка, у другой стены на диване – дочь, между окнами – комод. За шифоньером – керосинка на тумбочке и бачок для воды, а в другом углу на гвоздях висела наша одежда. На ночь сдвигали стол к комоду, чтобы поставить мою раскладушку. Вот в таких условиях я работала в газете, училась сначала в пединституте, да еще и стихи писала! Обедала и ужинала в столовых, контрольные работы писала в областной библиотеке и все необходимые книги читала там, так как ночью свет в комнате не включишь – люди спят.

Тетя Настя Молдавская очень любила меня: «Смотрю на тебя и думаю: ты в таких трудных условиях живешь, а работаешь, учишься в институте, добиваешься своей цели! А моя Галка закончила десять классов и учиться больше не хочет! Вот если бы ты была моей доченькой». У них на раскладушке я жила более четырех лет. Затем мне предложили поселиться тоже в деревянном доме на улице Набережная Кедрова, недалеко от средней школы № 1. Бабушка в комнате жила одна. К тому же была заборка, за которой помещались односпальная кровать и тумбочка. Я училась уже на заочном отделении Литературного института имени М. Горького. Руководитель семинара И. Л. Сельвинский как-то спросил меня о моих жилищных условиях. Я рассказала, и он возмутился: «Как можно так жить да еще и стихи писать?!» – и сразу написал письмо первому секретарю Вологодского обкома партии А. С. Дрыгину с просьбой об улучшении моих жилищных условий. Вскоре меня поселили в общежитии обкома партии в маленькой комнатке на двоих, потом стали требовать с УВД, к которому принадлежала моя газета, чтобы меня обеспечили жильем. И в 1967 году мне дали комнату в Октябрьском поселке без ордера на нее, то есть ведомственную с подселением, временную. В этом же году И. Л. Сельвинский

предложил мне перейти учиться на дневное отделение, обещал, что поговорит с Сергеем Наровчатовым, чтобы он взял меня в свой семинар. Я написала заявление о переходе на четвертый курс дневного отделения, и мы с Сергеем Чухиным с 1 сентября 1968 года стали студентами стационара. Поговорить с С. Наровчатовым И. Л. Сельвинский не успел – он умер 22 марта 1968 года, и нас зачислили в семинар С. А. Смирнова. На четвертом курсе я жила в двухместной комнате общежития Литературного института, а на пятом – одна в комнате, хотя считалось, что мы живем с Батимой Кауковой (она вышла замуж за Юрия Кузнецова, и они снимали квартиру).

О семинарах, в которых я училась

После того, как я прошла творческий конкурс, меня взял в свой семинар Илья Сельвинский. Но студенты из семинара Виктора Бокова сказали, что Сельвинский очень строг, якобы на 2-м и 3-м курсах отчисляет творчески слабых, и пригласили меня в свой семинар. Я пришла послушать, как идет обсуждение. Виктор Боков попросил меня почитать стихи. Я прочитала «Где-то месяц плывет во ржи». Реакция руководителя была неожиданной:

- Ты зачем ко мне пришла?
- Стихи писать учиться.
- А чему тебя учить, ты уже настоящий поэт!

И Боков взял меня в свой семинар. Но побыть мне пришлось в этом семинаре недолго – только установочную сессию, успев войти в сборник «Всемирный День поэзии» за 1965 год, в котором были представлены двое вологжан – Н. Рубцов и Н. Груздева. Руководитель попал в аварию, и ему пришлось уйти из Литинститута. Меня снова зачислили в семинар Ильи Сельвинского. Три курса я училась на заочном отделении и благодарна моему руководителю за постоянное доброе отношение к моему творчеству.

В «Литературной газете» Илья Сельвинский назвал Нину Груздеву «лучшей поэтессой страны» (Литературная газета № 17 от 26 апреля 1967 года, статья «Лирика. Эпос. Драма») Он умер 22 марта 1968 года, так и не успев поговорить с Сергеем Наровчатовым. А с 1 сентября 1968 года я уже была студенткой четвертого курса Литинститута в творческом семинаре Сергея Смирнова и закончила институт также в его семинаре. Он был коммунист и начинал занятие семинара с передовой статьи газеты «Правда». Но в мое творчество не вмешивался, так как мои стихи и переводы часто печатались в столичных газетах и журналах, которые всегда вывешивались на стенде в Литературном институте. Мои стихи показал ему староста семинара Арво Метс. Он назвал мои стихи «высокой поэзией» и опубликовал во «Всесоюзном Дне поэзии» за 1970 год. «Высокой поэзией» назвал мои стихи очень известный лирик В. Федоров. Его привел писатель, автор известного романа «Истоки» Григорий Коновалов в общежитие Литературного института специально, чтобы он послушал мои стихи. Моя творческая работа получила оценку «хорошо». Мои стихи часто звучали по центральному радио, песни, написанные композиторами Азоном Фаттахом и Александром Абрамовым, звучали в концертах по радио, записаны на грампластинках в исполнении известных певиц Гелены Великановой и Ирины Бржевской.

В 1968 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла моя книжка «Тропинка». Вскоре Александр Романов, возглавлявший тогда писательскую организацию в Вологде, попросил у меня стихи для второй книжки. Я отдала ему рукопись, а когда в 1970 году я получила диплом об окончании Литературного института им. М. Горького и приехала в Вологду, Романов возвратил мне рукопись книжки с прекрасной рецензией известного архангельского поэта Анатолия Левушкина. Никаких других рецензий там не было. Я спросила Романова: «Почему в таком случае возвращаете рукопись?» – «Нет бумаги», – был ответ.

Диплом всему нашему курсу дали свободный, так как по решению ЦК КПСС к этому времени были закрыты все

газеты, кроме областных и районных. Это по всей стране. В Вологде остались только «Красный Север», «Вологодский комсомолец» и «Маяк» – Вологодского района. Когда мы с Сергеем Чухиным пришли в отдел печати обкома КПСС, нам в устройстве на работу отказали. Я сразу поехала в Москву, и руководство Литинститута нашло мне место работы в сельхозотделе Талдомской районной газеты. В августе 1970 года я была уже там. До Москвы – три часа езды до Савеловского вокзала на обычном поезде. Электрички ходили тогда только до Вербилок, поэтому рассыпалась моя мечта – получить подмосковную прописку и работать в Москве в журнале или издательстве. С работой устроиться в Москве нетрудно. Меня хорошо знали в издательстве «Молодая гвардия». В журналах «Молодая гвардия» и «Сельская молодежь» охотно печатали мои стихи и переводы. К тому же в этом издательстве был русско-болгарский журнал «Дружба», главным редактором которого был Иван Акулов, бывший редактор журнала «Уральский следопыт», в котором он публиковал мои стихи и переводы. Я узнала, что С. С. Орлов, который всегда хорошо относился к моему творчеству, избран секретарем Союза писателей РСФСР и живет в Москве. Он поговорил об этом с Вилем Липатовым, вызвал меня, и прописка была мне обещана твердо. Я приехала из Талдома. Они устроили меня в общежитии Литературного института, выписали мне денег из литфонда, и я стала ждать прописки.

В это время приехал Николай Кучмида сдавать государственные экзамены за последний курс института. Однажды он пришел ко мне в комнату и пригласил к себе. У него был Василий Белов. Мы поговорили, и он попросил меня почитать стихи. Я читала, а он просил читать дальше. «Талантливая ты баба, – сказал он. – Зачем тебе Москва? Приезжай в Вологду. Мы дадим тебе жилье, книжку издадим и в Союз писателей примем. Приезжай!» И пригласил меня назавтра в гостиницу «Москва»:

– Там в небольшом зале соберутся лучшие русские писатели, и мы будем говорить о положении современной русской прозы. Думаю, что тебе будет интересно послушать.

Подойдя к гостинице «Москва», я увидела Виктора Астафьева. Он сказал, что идет к Белову. Мы вошли в небольшой зал, посреди которого были один к другому составлены столы, за которыми по обе стороны сидели писатели. Там были В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин, Е. Носов, В. Лихоносков, В. Солоухин, В. Шукшин, очень молодой тогда критик В. Бондаренко. Я увидела стул в углу, села, чтобы быть незаметной, и увлеченно слушала их разговоры. Было очень интересно. В. Шукшин спросил обо мне: «Кто такая?» Белов успокоил: «Это наша вологодская поэтесса». Все пошли на перекур, В. Шукшин подошел ко мне и сел напротив. Состоялся короткий разговор. Я сказала, что закончила Литинститут и жду прописки в Москве. Он посочувствовал мне: «У меня тоже был такой период, очень трудный». Снова все сели за столы, и я увлеченно слушала их разговоры.

На следующий день поехала в город и у метро Новослободская встретила Ивана Ивановича Акулова. «Что такая задумчивая?» – спросил он. Я сказала ему, что живу в общежитии Литинститута и жду прописки в Москве, которую мне обещают сделать Сергей Орлов и Виль Липатов. Василий Белов пригласил меня переехать в Вологду и обещает мне жилье, издать книжку и принять в Союз писателей. И. Акулов сказал: «Решай сама. Если хочешь в Москве остаться, то, считай, прописка у тебя в кармане. В нашем издательстве тебя знают. Ты печатаешься в наших журналах «Молодая гвардия» и «Сельская молодежь», и я сейчас работаю главным редактором русско-болгарского журнала «Дружба» (это – тоже издательство «Молодая гвардия»), с удовольствием возьму тебя на работу, потому что знаю тебя как прекрасного переводчика. Но квартиру тебе не пообещаю. Я сам купил квартиру на гонорары за издание двух романов. А тебе придется снимать квартиру. Прописку мы сделаем тебе очень скоро. Но советую тебе подумать: если В. Белов обещает тебе в Вологде квартиру, то это – самое главное. Решай сама». Мне так захотелось домой! Позвонила Сергею Орлову, что на недельку съезжу домой, навестить маму в Денисовской, и поехала

в Вологду в надежде найти работу. Директор Дома народного творчества Инесса Зимина сказала мне, что в управлении культуры облисполкома только что освободилось место редактора в методкабинете. Я сразу пошла туда, и меня взяли. Документы были с собой, я тут же нашла прописку в деревне Щеглино, рядом с льнокомбинатом, и поехала в Москву за вещами. Итак, я на родине!

На работе было все хорошо. Начальник управления культуры Антонина Николаевна Голубева относилась ко мне внимательно, и я легко вошла в курс своих обязанностей. Дом в Щеглино был маленький – всего одна комната. В ней стояла печь, заборкой отделена кухня – там была кровать хозяев, в комнате на диване спала взрослая дочь, а я – опять на раскладушке. К счастью, управление культуры получило четырехкомнатную квартиру для общежития, и нас, четырех работников управления, разместили туда – по комнате на человека.

Сразу же после устройства на работу я пошла в Союз писателей, возглавлял его Виктор Коротаяев. В. Белов был в Тимонихе, и я стала ждать, когда он приедет. Встретились мы с ним случайно: он шел в облисполком, я выходила из него. Я сказала ему: «Ты пригласил меня в Вологду, и я приехала. Работаю редактором в управлении культуры». Он сделал вид, что ничего не помнит! Этого не могло быть – ему тогда было всего сорок лет, и он так убежденно при Николае Кучмиде звал меня в Вологду. Когда я об этом при встрече рассказала Николаю, он ответил: «Не знаю, но что-то за этим стоит! Но что?» В Союзе писателей ко мне отнеслись очень сдержанно, и я поняла, что надеяться на издание книги и получение жилья бесполезно. Если ничего не предпринимать, можно остаться до конца жизни в общежитии. И я написала письмо Сергею Орлову, объяснила, как могла, ему ситуацию и попросила написать письмо в Вологодский обком КПСС с просьбой о моем жилье. Сергей Сергеевич сразу откликнулся. Я узнала от А. Н. Голубевой о письме С. С. Орлова на имя секретаря обкома по идеологии В. Грибанова. Антонина Николаевна тоже приняла участие в моей судьбе, и мне

была выделена комната в двухкомнатной в квартире на улице Текстильщиков. Но для того, чтобы получить ее, мне нужна была подпись секретаря нашей писательской организации. Реакция Виктора Коротаева была неожиданной: «А я могу и не подписать!» – сказал он. «А я тогда напишу письмо Сергею Сергеевичу Орлову о твоём ничем не обоснованном отказе», – ответила я. И Коротаев вынужден был подписать.

Итак, в 1972 году я, наконец, получила комнату с балконом в двухкомнатной квартире нового дома. Мне шел тогда тридцать шестой год.

Я успешно работала в управлении культуры: выпускала буклеты, брошюры, писала в областные газеты о рабочих культуры, о новостях культурной жизни области; давала материалы на областное радио. Иногда писала стихи.

Но в марте 1976 года встреча с Николаем Задумкиным все изменила. Он был редактором газеты «Вологодский подшипник» и пригласил меня на работу. Заманил заработком, не сказав всей правды. А оказалось, что работа временная – на время декретного отпуска корреспондента. К счастью, в это время открылась газета «Прогресс» Вологодского мебельного объединения, и в начале 1977 года его генеральный директор Е. В. Степанов сразу принял меня на работу корреспондента, где я успешно проработала до 1981 года. Я очень серьезно заболела, часто была на больничном и не могла ездить в командировки. Пришлось уволиться, и с этого времени начались скитания одинокого больного человека в поисках заработка, хотя бы временного. Четыре года проработала редактором в Доме санитарного просвещения, пока не стали посылать в командировки, затем оператором газовой котельной. Перевели на инвалидность. Пенсия была очень маленькая. Подрабатывала корреспондентом в многотиражной газете.

Близился пенсионный возраст. Надо было зарабатывать пенсию. В 1988 году меня приняли корреспондентом в редакцию «Вологодский подшипник», где я проявила себя хорошим работником, и в 1990 году меня переманили в газету ПО ВОМЗ «Время» корректором и выпускающим

газету на хорошую ставку. Ездить на работу очень далеко, а у меня, кроме всего прочего, с 1980 года были на ноге язвы очень болезненные, и меня приняли корректором во вновь открывающуюся газету «Вологодские новости», откуда я после сложной операции в 1991 году вышла, наконец, на настоящую пенсию. Но пенсионеры 1991 года оказались самыми несчастными, так как к этому году появилось много предпринимателей с большими доходами, и средний заработок получился очень высокий, а коэффициент для начисления пенсий был крайне низок. В. Черномырдина недовольные пенсионеры завалили письмами. Выступая по телевидению, он обещал исправить ошибку, но потом Б. Ельцин сказал: «Нет денег». Так нас обрекли на полуголодное существование до 1998 года. Хотя средняя зарплата моя была хорошая, но пенсии мне хватало только на полмесяца на самый минимум. Работать я уже не могла. Помогали подруги-дачницы. Всегда помню их и благодарю!

Наконец, наступил 1994 год. Лариса Мокшева сама издала свою книгу стихов и подарила мне. Замечательные стихи! Почему их не издавали?! И я стала думать, как бы мне издать книжку? Стала подбирать стихи. Однажды на улице встретила Александра Грязева. Он был уже председателем писательской организации и пригласил меня зайти. Я решила собрать все уцелевшие в такой сумбурной жизни публикации стихов в центральных и региональных журналах и пригласить А. Грязева, чтобы все это он посмотрел. Оказалось, что сохранила не так уж мало! А Александр Грязев согласился прийти с Александром Цыгановым, однако период от общения до исполнения длился полгода. Я часто ходила к писателям. Пообещают прийти, скажут дату и опять не придут! Увидел В. Коротаев, спросил: «Нина, ты чего ходишь-то?» – «Надо», – ответила я.

Я поняла – что-то их сдерживает! Однажды встретила ныне известного писателя Владимира Аринина. Он работал в газете «Русский Север». Пригласила к себе. Показала мои публикации. Он удивился: «Разве ты еще не член

Союза писателей? А я думал, что давно!» И взял у меня большую подборку стихов, которая вскоре появилась в газете с его прекрасным предисловием. Через несколько дней встретила на улице Герцена Василия Белова. «Хорошие стихи пишешь, Нина! – восторженно сказал он. – Очень хорошие! Шелухи нет!» – «А ты уже не в первый раз говоришь мне это!» – ответила я. Он замялся. Я не могла больше сказать ни слова – ком в горле стоял. Так в слезах и дошла до дома.

Вскоре пришли ко мне Александр Грязев с Александром Цыгановым. Я разложила перед ними журналы с моими стихами 1965–1973 годов. А. Цыганов весь погрузился в чтение. Глаза его сияли такой радостью, как будто он нашел драгоценный клад! Они пригласили меня завтра прийти в писательскую организацию. Там меня встретила Ольга Шекун, которая много лет работала секретарем и бухгалтером. «Нина Васильевна, что Вы с ними сделали? Они пришли вчера от Вас такими радостно-возбужденными, какими я их, пожалуй, никогда не видела!» – сказала она. И я поняла: это – победа!

А. Грязев направил меня к А. Цыганову, и Саша сразу сказал: «Надо издавать книгу!» Но где и как? Денег у меня нет. В администрации области меня не знают... Он подсказал выход: у Юрия Малоземова. Я стала подбирать стихи. В это время моя подруга Вера Маслова – тоже хорошая поэтесса, работала редактором газеты «Коммерческий вестник», взяла на себя всю типографскую обработку книжки и сделала все, чтобы отдать ее на ксерокс Юрию Малоземову, не взяв с меня никакой оплаты. По просьбе Александра Цыганова художник Эдуард Фролов бесплатно сделал прекрасный рисунок на обложку. А издание одного экземпляра на ксероксе стоило шесть тысяч рублей. Смогла занять сто двадцать тысяч и издала всего двадцать экземпляров. (Для сравнения: моя месячная пенсия была всего 119 тысяч). Тираж книги поставила авансом пятьсот экземпляров. Назвала я книгу «Твое имя».

Наряду с работой по изданию этого сборника мы с Александром Цыгановым готовили материал для другой

книги «Воскресение». В процессе подготовки я все больше убеждалась и удивлялась тому, как бережно и тонко понимает поэзию душа этого прозаика, и мы все больше становились друзьями. Я показала стихи для этого сборника Екатерине Филипповне Климушиной, начальнику типографского цеха оптико-механического завода, с которой мы подружились за период моей работы в газете «Время». Ей очень понравилась моя поэзия, и она, зная мое полное безденежье, предложила издать эту книжку авансом: когда она будет готова, мне отдадут весь тираж, я пойду выступать и продавать мои книги, таким образом, рассчитаюсь за издание. Это был единственный выход, и я с великой благодарностью согласилась.

Пока издавалась книжка, мы с Александром Цыгановым думали о том, к кому бы обратиться с просьбой рекомендовать принять меня в Союз писателей. Это было трудное решение. Я обратилась к Василию Белову. Он ответил, что он член приемной комиссии в Союзе писателей России, а поэтому не имеет права давать рекомендацию, но на комиссии он будет голосовать за прием меня в члены Союза писателей. Я послала материалы обеих книг в Смоленск Виктору Смирнову, с которым вместе заканчивали Литинститут. Он ответил, что стихи у меня замечательные, но он тоже член приемной комиссии и будет тоже голосовать за прием меня в члены Союза писателей.

Александр Цыганов посоветовал сходить к Наталье Сидоровой – она уже пять лет в Союзе писателей, поэтому имеет право давать рекомендацию. Она согласилась, но когда я показала эту рекомендацию Александру Цыганову, он сказал: «По такой рекомендации Вас не примут в Союз писателей. Вы давно настоящий поэт, а не начинающий, как тут представлено».

Сборник «Твое имя» был готов в мае 1995 года, а «Воскресение» – в августе 1995 года. Я позвонила в «Звездный городок» поэтессе Татьяне Веселовой – моей подруге по Литинституту. Я сказала ей, что издала два сборника стихов и попросила дать рекомендацию для вступления в Союз писателей. Она очень удивилась, что я до сих пор не

член Союза писателей, и дала ее мне с великим удовольствием. Татьяна училась в семинаре Николая Старшинова. Она дала мне его телефон и адрес. Н. Старшинов знал меня и мои стихи – я выступала вместе с ним в Мытищах. Я послала им книги. Третий адрес: Рязань, Борису Шишаеву, с которым мы учились в одно время и изредка переписывались. Вскоре пришли мне три прекрасных рекомендации.

Виктор Коротаяев и тут нашел к чему придраться: «Почему нет печати писательской организации?» Я тут же позвонила в Рязань, и мне скоро пришла рекомендация с печатью. А когда позвонила Николаю Старшинову, он возмутился: «Что он там выдумывает? В Союзе писателей мой почерк и мою подпись все давно хорошо знают!» Александр Цыганов сказал, что надо бы рекомендацию кого-то из нашей организации. Я пошла к Александру Романову, он почитал все, что у меня было, и тут же написал свою, тоже хорошую рекомендацию.

В декабре 1995 года на общем собрании я была принята единогласно в Союз писателей России. Документы о принятии пошли на утверждение в Москву. Я решила написать письмо Виктору Бокову, чтобы сообщить о том, что сбылось то, что давно должно было сбыться. Точного адреса я не знала и написала: Москва, Переделкино, Городок писателей, Виктору Бокову. И письмо дошло до него, хотя адрес был совсем другой! Радостно было читать: «Дорогая Нина Васильевна! Твой помятый, порванный по краям конверт-пакет пришел. В нем две твои книги. Поздравляю тебя от души с выходом! Знаю, что тебе это стоило! Ты молодчина, что не сдалась мукам жизни и вышла в свет. Я сразу стал читать «Воскресение». Прочел до конца и хочу тебя поздравить с хорошей книгой!» В конце письма он писал: «В отношении приема тебя в члены СП я «за», позвоню в СП РСФСР, замолвлю словечко. Конечно, тебе надо скорее стать членом Союза писателей. Желаю тебе, Нина, здоровья, сил для дальнейшей работы и войны за место под солнцем! Обнимаю! Дай тебе Бог! Виктор Боков. 19 апреля 1996 год. Переделкино».

А в мае 1996 года я стала полноправным членом Союза писателей России.

1996 год стал для меня самым счастливым годом в моей жизни. Став членом Союза писателей, я получила право на дополнительную площадь для кабинета. В 1996 году моя соседка, которой принадлежала вторая комната, заболела и жила у детей в городе Калязине, умерла, мне присоединили ее комнату, и я, наконец, стала жить в отдельной собственной квартире. В 1996 году мне исполнилось 60 лет!

Как только я получила из типографии книгу «Воскресение», меня наперебой стали приглашать на выступления, так как все газеты очень часто печатали стихи и статьи обо мне, чем пробудили большой интерес читателей к моему творчеству. Книгу активно покупали, и я быстро рассчиталась с типографией за ее издание. Я стала известным и востребованным поэтом. Появились средства на то, чтобы догнать тираж книги «Твое имя» до 500 экземпляров, которые были указаны. И эта книга тоже пользовалась спросом.

Признаюсь в том, что я панически боялась аудитории, но пришлось преодолевать и это – необходимо было рассчитаться за издание книги «Воскресение». В процессе преодоления себя я старалась доводить до слушателей смысл каждого слова и чувствовала, что благодарная аудитория меня понимает и поддерживает. Это укрепляло уверенность в себе. В 1997 году в Москве в Центральном доме литераторов было намечено провести цикл вечеров поэзии «Вологодские встречи». Он открывался моим вечером 13 января – на Старый Новый год. Он был очень теплым. Я читала стихи, и москвичи восторженно принимали их, много выступали, надарили много подарков и попросили завершить этот цикл моим вечером.

После окончания вечера мне подарили адрес, в котором многие слушатели оставили свои записи. Вот одна из них: «Очень приятно провели вечер в стихах Нины Груздевой. Почаще бы такие встречи! Мы стали чище душой, светлее мыслями. Не было равнодушных в этом

зале и слышно было, как радостно звучало сердце поэта. Здоровья ей, радости, добра и стихов! Члены Российского дворянского собрания».

Но последний вечер этого цикла решено было провести общим 28 ноября 1997 года. Вести его взялся Сергей Викулов, который приказал меня на этот вечер не брать. Однако Александр Цыганов сделал все возможное, чтобы я на этом вечере была представлена. Когда мы приехали в ЦДЛ, меня радостно встретили те, которые были на моем вечере в январе. Художница Светлана Васильевна Кожуренкова, которая так любовно оформила афишу моего вечера, подошла ко мне с подарком. В нем была красивая открытка следующего содержания: «С праздником Вологодских встреч! Нина Васильевна! Спасибо Вам от всей души за Вашу пронзительную лиричность, теплоту и вечность Ваших строк, за такт и скромность поступков. Ваша поэзия на уровне поэзии больших поэтов-лириков! Низкий поклон Вам! Вашей родной Вологодчине! Долгих лет жизни и творчества! С уважением к Вам Светлана Васильевна Кожуренкова и мои родные Валентина и Елена. 28 ноября 1997 года».

Меня окружили мои московские почитатели, которые были на моем январском вечере. Начался вечер. Зал был полон. Выступали наши поэты. Когда дошла очередь до меня, я вышла, прочитала два стихотворения, и С. Викулов выключил микрофон. Когда я была уже внизу, мои книги покупали нарасхват, все спрашивали, почему так случилось? Я всех отсылала к Викулову. Просили автографы, но надо было ехать – нас ждала машина Владимира Громова. Приехав на следующий день в Вологду, я решила поговорить с Борисом Чулковым. Он в то время иногда заходил ко мне. Вскоре он зашел. Борис всегда был неразговорчив, и чтобы его разговорить, я поставила на стол остаток водки, закуски, и мало-помалу он разговорился. Поговорили о том, о сем, и вдруг я задала вопрос: «Боря, скажи, кому из писателей мы с Рубцовым были не нужны в Вологде?» Ответ меня ошарашил: «Вы были не нужны Викулову». «При чем тут Викулов? Он в Москве, а пригласил-то меня

в Вологду Белов! Это Белов сказал: «Ты очень талантлива, зачем тебе Москва? Приезжай в Вологду. Мы тебя и с жильем устроим, книжку издадим и в Союз писателей примем». А приехала в Вологду – все воды в рот набрали и до сих пор никто ничего не говорит!» Чулков ответил: «Так ведь они все, в том числе и Белов, печатались почти только у Викулова. Как они могут против него пойти?» Убедительно! Все-таки я решила поговорить с Иваном Полуяновым, и он ответил то же самое! Теперь мне все стало ясно!

...Впервые встретились мы с Сергеем Викуловым в областной картинной галерее на литературном вечере. Я, уже студентка пединститута, поднималась по лестнице галереи и увидела вверху редактора нашей районной газеты Степана Михайловича Морозова с каким-то мужчиной – это был Сергей Викулов. К тому времени у С.М. Морозова было уже издано две книжки прозы, и они хорошо знали друг друга. Поздоровались, и, представляя меня Викулову, он сказал: «Она пойдет твоим путем. Хорошие стихи пишет!» И попросил меня подождать, когда окончится вечер. По окончании вечера он подошел ко мне, принес книжку от Викулова с его автографом и пригласил меня в ресторан «Север». Викулов в ресторане сказал мне, чтобы я принесла стихи в Союз писателей, а когда я на выходной день приехала домой, мама сказала, что у нее был Сергей Викулов и расспрашивал обо мне. Когда я пришла в Союз писателей, он предложил мне присутствовать на всех собраниях, обсуждениях новых произведений писателей и писать протоколы за небольшую оплату. Я согласилась, потому что стипендия была очень маленькой. Мои стихи стали появляться в областных газетах. А потом, когда я поступила заочно в Литературный институт, Викулов дал подборку моих стихов на целую страницу журнала «Север», из которой на стихотворение «Глаза любимые» известный московский композитор Александр Абрамов написал первую мою песню. Он включил меня также для участия в зональном совещании писателей в Петрозаводске. В это время в Северо-Западное книжное издательство

была сдана моя первая книжка «Тропинка», которая вышла позднее – в 1968 году. Вскоре С. Викулова перевели в Москву, а на его место был избран Александр Романов.

Как-то я приехала в Москву к своим друзьям Сергею Чухину и Александру Петрову, которого очень любила. Они учились на очном отделении и жили вдвоем в комнате. Назавтра им нужно было сдавать зачет, они усердно готовились и дали мне приглашение в Центральный Дом литераторов, где проходило расширенное правление Союза писателей СССР. Когда я туда приехала, был перерыв. Поднимаясь по лестнице, я встретила Сергея Сергеевича Орлова, который один сидел на деревянном диване, стоявшем на лестничной площадке. Мы радостно поздоровались, он спросил о чем-то, но поговорить так и не удалось. Подошел Кайсын Кулиев: «Сережа! Какая красивая девушка! Познакомь!» – «Знакомься, эта девушка из Вологды. Хорошие стихи пишет!» Кулиев подписал и подарил мне свою новую книгу стихов: «Если в Вологде много таких красивых девушек, как Вы, то это – благодатный край! Дай Вам Бог счастья!» Закончился перерыв, я вошла в зал и села на свободное место. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Оглянулась. Ирина Марченко – студентка-заочница с нашего курса: «О тебе в первом отделении говорили». Она работала в которой-то из литературных газет и получила задание написать отчет с пленума. Я оторвала бумажку и написала: «А что говорили обо мне?» И она написала на этой бумажке: «Феликс Кузнецов сказал, что у нас мало интересуются бытом молодых литераторов. Есть поэтесса Нина Груздева, она мне рассказывала, как она живет, так в этих условиях не только писать, а жить невозможно! Она из глухой вологодской деревни, вся жизнь в бедности. Кто-то по личной инициативе (это был Илья Сельвинский) помог недавно устроиться вдвоем в маленькой комнатухе партшколы. Но это один человек по личной инициативе, а ведь о тех, кто нуждается, должна думать вся писательская организация. Говорил, что ты очень талантливая и тебе нужно помочь. Еще говорил о Рубцове и Передрееве, которые живут без прописки. И еще: «Талант, как правило,

беззащитен. Это не те люди, которые приходят в литературу делать деньги и всегда постоят за себя. Мы должны защитить наших молодых». Как я сохранила эту записку в моем сумбурном быте – ума не приложу!

Когда пленум закончился, ко мне подошел Сергей Викулов и предложил пойти к нему в гостиницу. «Надо поговорить», – сказал он. Ему пока квартиру в Москве не дали, а работал он, по-моему, в «Молодой гвардии». Пришли в его номер, сели за стол. Я думала, что, как всегда, какое-то дельное предложение поступит, а он вдруг: «Нина, я тебя давно люблю! Давай с тобой здесь в Москве встречаться...» Я знала, конечно, что он был влюблен в меня, но ни одним словом он этого не выдал, и я привыкла относиться к нему как к примерному семьянину. Не скрою, что я тоже была влюблена в него, но считала невозможным хоть как-то выдать свое отношение к нему. Стихи о любви я писала и в деревне, где жила раньше, и в Вологде, поэтому никто и не догадывался, кто герой моих стихотворений. Только однажды, еще в самом начале нашего знакомства, когда я только начинала работать в газете, он зашел в комнату, где кроме меня еще жили трое: хозяйка, ее сынишка и ее старый отец. Меня он не застал и передал хозяйке пакет. Там была открытка новогодняя, в которой было написано: «Благоухай нежнее роз весь Новый год! Твой Дед Мороз!» И простая металлическая брошь с новогодним орнаментом. Больше ни разу никаких таких признаков внимания от Викулова мне не было. А тут на тебе – сразу все выпалил! Я, естественно, спросила: «А почему, Сергей Васильевич, Вы в Вологде-то мне никогда ничего такого не говорили!» – «В Вологде было нельзя – все сразу узнают. И обком рядом! А здесь никто ничего не узнает. Москва – город большой!» А у меня давненько уже, не находя никакого выхода, чувства к нему совершенно иссякли, и я полюбила студента-очника Литературного института Александра Петрова, друга Николая Рубцова и Сергея Чухина. Саша был совершенно свободный человек, и нам ничего не мешало. И я ответила Викулову: «Сергей Васильевич, Вы опоздали. Я очень люблю другого человека и поэтому

встречаться с Вами я никак не могу». Оба замолчали. Он сказал: «Нина, пойдем, посидим в ресторане». Пошли, сели. Говорить было не о чем. И мы разъехались в разные стороны. Ребятам я, конечно, ничего не сказала. Рассказала, о чем говорили на пленуме, и обмыли нашу встречу. На следующий день я уехала в Вологду.

В сентябре 1968 года я перешла на четвертый курс дневного отделения Литинститута. Нас, студентов, приглашали на все мероприятия в Центральном доме литераторов. Я иногда видала там Викулова, но он никогда не подходил ко мне и делал вид, что меня не видит. Меня это ничуть не огорчало. Друзей в институте было много. Мои стихи и переводы часто печатали, стихи и песни звучали по радио. Телевизора тогда в общежитии не было, но мы жили своей шумной студенческой жизнью.

Однажды, когда я обедала в институтской столовой, ко мне привели Александра Москвитина, заведующего отделом поэзии журнала «Наш современник». Оказалось, что его послал в институт С. Викулов с заданием найти подборку талантливых женских стихов в мартовский номер журнала. Я сказала ему, что стихов с собой у меня нет, и я не думаю, что Викулов мои стихи опубликует. Но Москвитин пришел в общежитие и попросил показать стихи. Я дала ему подборку. Он прочитал и сказал: «Отличные стихи! Не может быть, чтобы такие стихи кому-то не понравились!» – «А я уверена, что Викулов не возьмет», – повторила я. Но Саша отстаивал свое мнение и забрал стихи. Через несколько дней вернулся: «А Вы были правы! Я зашел в кабинет Викулова и радостно подаю ему стихи со словами: «Многим надо поучиться так прекрасно писать!» – «У кого?» – спросил меня редактор. «У Нины Груздовой!» – ответил я. «Ладно, оставь. Почитаю», – сказал он. «Назавтра вернул мне Вашу подборку с таким видом, будто я ничего в стихах не понимаю! Что такое с ним?» – недоуменно спросил меня Москвитин. «Не знаю», – ответила я, – «разные вкусы, наверное». Через какое-то время Москвитин опять пришел ко мне: «Нина, давайте мне другую подборку, я хочу еще попробовать! Я ничего

не понимаю!» – «Саша, Вас уже унизили, зачем же еще унижаться? Не беспокойтесь. Эти стихи не пропадут – они обязательно появятся в других изданиях». И я ничего не дала Москвитину. Больше я его не видела.

Уже в нашем веке я получила письмо из Москвы, от моего друга Михаила Иванова, датированное 25 марта 2005 года. Михаил очень много и успешно поработал по распространению моей поэзии и моих книг в Москве. Высылал мне все публикации моих стихов и статей о моем творчестве в московских журналах и газетах. Вот что он написал мне в этом письме: «21 марта в Москве в ЦДЛ был вечер, посвященный Александру Яшину. Выступал там С. Викулов, говорил, в частности, о поэтах Вологды. Вас не назвал. Но его поправила Капитолина Кокшенёва, сказала, что есть в Вологде еще Нина Груздева, известная поэтесса. Он запнулся, потом сказал, что ее (то есть Вас) мало кто знает. Но, судя по реакции зала, оказалось, что Вас очень многие знают». Я позвонила Капитолине Кокшенёвой, она подтвердила это и сказала: «Да, я возмутилась и внесла справедливую поправку».

Итак, Борис Чулков и Иван Полуянов были совершенно правы. Причина моего такого длительного творческого заточения в Вологде была в Москве, всем этим жестоким и пошлым делом руководил Сергей Викулов, а верхушка вологодской писательской организации строго выполняла его волю, боясь ослушаться и быть выкинутым навсегда из числа постоянных авторов «Нашего современника». Но ведь Василий Белов уже тогда был величиной среди писателей СССР, и любой другой журнал предоставил бы ему свои страницы для его произведений! Именно к нему пришли тогда в гостиницу «Москва» все ведущие писатели России. Что значил для него тогда окрик Сергея Викулова: «Не пущать Груздеву в Союз писателей!» Хотя всегда при встрече не раз говорил, что я талантлива, а в ответе на мою просьбу написать предисловие к сборнику «Воскресение» пишет: «Стихи у тебя добротные и говорят сами за себя. Зачем сборнику предисловие?» Зачем, обещая в Москве все: и книгу, и квартиру и Союз писателей,

оставить человека на двадцать семь лет забытья? А ведь земляк еще вдобавок, харовский, земляки всегда помогают друг другу! А ведь там, в Москве, когда он звал меня в Вологду, мы были не одни, с нами был еще и Николай Кучмида из Череповца, тоже земляк, на литературную судьбу которого тоже повлиял Василий Белов!

Н. Кучмида был круглым сиротой. Отца он не знал, а мать рано умерла. Его воспитывала тетя. В Литературный институт он поступил сам. Прозаик. Учился на семинаре В. Лидина – известного тогда прозаика. Творческий диплом защитил «отлично». Печатался в журналах. Издал две книги в Москве и одну в Северо-Западном книжном издательстве. Приехал после института в Череповец, подал заявление в Союз писателей с хорошими рекомендациями. Хотели принимать, но на приеме Василий Белов вдруг заявил: «Нам таких не надо!» И отказали! Так прожил Николай всю жизнь, заболел, к концу жизни стал инвалидом первой группы, лишился обеих ног. Решил подать заявление в Союз писателей, представил написанные им новые произведения. В. И. Белов прочитал и сказал: «Надо принимать!» И приняли. Вскоре Н. Кучмида умер. Правда, уже членом Союза писателей России.

...Каждое новое стихотворение я всегда показывала или читала по телефону Александру Цыганову – так повелось после первой нашей встречи. Я всегда доверяла его вкусу. А вкус к поэзии у него изумительный! Если он чувствует, что это – поэзия, он весь зажигается изнутри! Я никогда не видала человека, который так искренне радуется успеху другого! Не забыть, как я принесла ему только что написанное стихотворение «Звезда». Это было в октябре 1998 года. Саша прочитал его, весь озарился и тут же, не говоря ни слова, передал сидящему напротив Сергею Алексееву, а тот, прочитав, сказал: «Да, это – поэзия!» И я сразу посвятила ему свою «Звезду». Это стихотворение стало названием моей следующей книги, которая вышла в 1998 году в серии «Вологда. XX век». Начал эту серию Александр Цыганов, издав на спонсорские средства малым тиражом свою и мою книги. Его задумка понравилась

начальнику Департамента культуры области Владимиру Кудрявцеву, который стал выделять средства ежегодно на несколько книг тиражом 1000 экземпляров каждая. Такие книги были изданы каждому члену нашей писательской организации.

Помню отчетно-выборное собрание, на котором присутствовал председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев. Он сидел впереди меня и держал в руках мою книжку «Звезда». Оглянувшись, увидел меня и спросил: «Это Ваша книга?», я кивнула. «Очень хорошие стихи! Обязательно дам их в своем журнале!» Вскоре состоялся в Вологде расширенный пленум правления Союза писателей России под девизом «Вологодская литературная школа», на котором присутствовали все ведущие писатели нашего Союза. Итогам этого события было отдано очень много страниц журнала «Роман-газета. XXI век» № 3 2000 года (главный редактор Валерий Ганичев). Мои стихи заняли в нем самое большое место – полторы страницы, и все они были из книги «Звезда». Участники пленума выступали во многих коллективах Вологды. Я выступала в «Тепличном» с Валентином Распутиным. С этого времени у меня завязалась крепкая дружба с этим коллективом, с его директором Владимиром Леонидовичем Зининым. Они еще несколько раз приглашали меня почитать стихи. Приближалось мое 65-летие – юбилейная дата, и я решила сама издать новую книгу стихов. Я часто выступала за прошедшие годы, и у меня было много знакомых руководителей, среди которых можно было найти спонсоров будущей книги. Первым откликнулся на мою просьбу Владимир Леонидович Зинин («Тепличный») – дал мне семь тысяч, за ним – директор «Вологдафарм» Любовь Ивановна Жданова – 5 тысяч и Борис Андреевич Краснов («Медтехника») – пять тысяч. Основа уже есть! Еще пять спонсоров – по одной-две тысячи. Этого хватило, чтобы рассчитаться с художником Эдуардом Фроловым, он дал прекрасное оформление книги, и редактором Александром Цыгановым, который взял на себя всю работу по изданию книги (до сих пор он все это делал бесплатно). Получалось,

что спонсорских денег хватало на 800 экземпляров, а хотелось 1000. Позвонила начальнику Департамента культуры Владимиру Валентиновичу Кудрявцеву. Он согласился, и по безналичному расчету перечислил деньги типографии за 200 экземпляров моей книги. Книга «Часы песочные» вышла в 2001 году в срок – к юбилею 40-летия Вологодской писательской организации и к моему 65-летию!

Да, у меня получилось все, что было задумано! Но все это стоило огромного терпения и титанических усилий. Я давно была не здорова, с 1995 года – инвалид второй группы. Много было у меня заболеваний, к тому же я была неустойчива и часто падала. Сказывался мой детский паралич рук и ног после невылеченной дифтерии и комы – лекарств тогда, кроме аспирина, никаких не было. А в конце 1998 года я упала на льду так, что навсегда покочннулась земля под ногами, и я не могла ходить без посторонней помощи. Были повреждены кровеносные сосуды, питающие мозг кислородом. К тому же после удара у меня часто вывихивалась правая рука, неправильно поставленная, и только в конце 2001 года после очередного вывиха, видимо, ее поставили правильно, и вывихи мучать меня перестали. Кто хоть раз испытал это, тот поймет! Кроме того, у меня опять начались варикозные язвы на правой ноге, и на основании всего этого в 1999 году мне дали первую группу инвалидности. Я оказалась одна в четырех стенах, без каких-либо родственников, совершенно больная. Социальная работница два раза в неделю приносила мне продукты. Готовила еду я сама. 1 сентября 2000 года я написала стихотворение «Часы песочные», которое дало название книги. Закончила я его следующими словами:

А жизнь моя уже кончается...

А сколько там песчинок в будущем?

Эту первую строчку я заменила только в книге «Душа», изданной в 2011 году к моему 75-летию. Она теперь звучит так:

Песчинки верхние кончаются...

А сколько там песчинок – в будущем?

Вот в каких условиях с помощью телефона готовилась к выходу книга «Часы песочные». Александр Цыганов, который с первого нашего знакомства стал моим другом и помощником, сделал все возможное, чтобы книга моя вышла раньше моего юбилея и успела к сентябрю – к 40-летию писательской организации. Это событие отмечалось в областной филармонии, куда меня привезли на машине. Из Москвы присутствовали секретарь Союза писателей России Вадим Дементьев, главный редактор газеты «Российский писатель» Николай Дорошенко, главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев и Сергей Викулов. От руководства области первый заместитель губернатора И. А. Поздняков вручил Василию Мишеневу и мне Благодарственное письмо губернатора Вологодской области. Слушали доклад председателя нашей писательской организации Роберта Балакшина, выступления москвичей, наших писателей и поэтов, а я не могла подняться на сцену.

После поехали в гостиницу «Вологда». Там в банкетном зале очень долго и нудно говорил Сергей Викулов. Всем захотелось покурить. Остался Сергей Алексеев. Я подошла к нему, поговорили, и он попросил почитать новые стихи. Когда он послушал «Часы песочные» и «Прошедшее», он сказал: «Это нужно прочитать сейчас, здесь!» Побежал к Роберту Балакшину: «Дайте выступить Нине Груздевой! Она сейчас прочитала мне великолепные стихи!» И, когда все сели за столы, Р. Балакшин объявил: «Сегодня Нине Груздевой вручено Благодарственное письмо губернатора Вологодской области. Я предоставляю ей слово». Я встала и прочитала четыре стихотворения: «Часы песочные», «Прошедшее», «Как лист сорвется...» и «У памятника Рубцову». Стояла абсолютная тишина. Потом – взрыв аплодисментов. «Здорово! – сказал С. Куняев. – Обязательно опубликую Ваши стихи в моем журнале!» Подошел ко мне Николай Дорошенко: «Ваши стихи – классика! Подготовьте большую подборку стихов, на целую страницу в нашей газете. Так мы даем только самых известных авторов! И обязательно – фотографию». Это было начало

будущей победы! На следующий день все уехали в один из районов области. В этот день Александр Цыганов привез из типографии мои «Часы песочные». Назавтра была встреча с писателями в областной библиотеке. Я тоже приехала с моими книгами. Роберт Балакшин поднялся и показал залу мой сборник. Подарила книги Станиславу Куняеву и Николаю Дорошенко. «Поздравляю Вас! – сказал Николай Иванович. – Тут и стихи, и фотография хорошая! В скором времени появится целая страница Ваших прекрасных стихов в газете «Российский писатель!» И вскоре эта страница вышла на суд российского читателя. Затем эта же газета опубликовала статью российского критика Олега Дороганя «Не погуби мелодию в душе» – о книге «Часы песочные». В этом же издании дважды была опубликована большая статья известного русского поэта и прозаика Бориса Шишаева «Разумение сердцем». Это был серьезный разговор о моем творчестве. Позднее эта же статья появилась в отделе критики журнала «Наш современник» № 3 за 2006 год. Появлялись в газете «Российский писатель» и подборки моих стихов.

В 2004 году за книгу «Часы песочные» я была удостоена звания лауреата Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова. В июле 2004 года журнал «Москва» открылся подборкой моих стихов. В этом же году я стала дипломантом I Международного конкурса поэзии «Золотое перо», проводимого Единим научно-методическим центром Комитета по культуре правительства Москвы и посвященного Дням славянской письменности и культуры. Среди победителей конкурса были поэты из США, Болгарии, Сербии, Украины, Белоруссии, Казахстана. Из Вологды была представлена только Нина Груздева. Я получила диплом в номинации «Лучшее лирическое стихотворение».

В 2005 году в г. Таллин (Эстония) издана антология «Русская поэзия XX века», куда вошли и мои стихи. В конце 2005 года международный журнал «Балтика» опубликовал мои стихи в разделе «Поэты России – начало XXI века». Были публикации моих стихов в газетах

«Литературная Россия», «Российский писатель», «День литературы».

В 2005 году неожиданно для меня я была вписана в историю русской литературы XX века – в прекрасно изданный издательством «ОЛМА-ПРЕСС-ИНВЕСТ» биобиблиографический словарь «Русская литература XX века» (прозаики, поэты, драматурги) в трех томах, издатели – Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Каждому писателю, удостоенному чести быть в этом издании, посвящена отдельная статья с фотографией.

В один из прекрасных дней 2005 года раздался телефонный звонок. Звонил генеральный директор «Тепличного» Владимир Леонидович Зинин: «Нина Васильевна! У меня есть к Вам предложение». – «Какое?» – заинтересовалась я. «Я хочу издать Вашу книжку подарочного типа – мини-книжку. У нас в охране работает настоящий мастер по их изготовлению Владимир Богачев». – «Я знаю его. Он мне тоже предлагал, но у меня нет денег!» – ответила я. «Я оплачу все издание. Он сшивает вручную, он очень тонко делает, но может сделать только 300 экземпляров. Так Вы согласны?» – спросил Владимир Леонидович. «Да, конечно, с радостью!» – ответила я. – «Закажите 150 – Вам, 150 – мне на подарки». Мы с Александром Цыгановым придумали обложку, суперобложку, подготовили материалы и сдали В. Богачеву. Эта книжка имела 183 страницы и всем нравилась. О ее выходе как-то узнали в Московском музее экслибриса и миниатюрной книги и послали человека из Вологды к В. Л. Зинину с просьбой подарить ее музею. Вскоре он получил благодарственное письмо:

«Уважаемый Владимир Леонидович! Нашим Музеем экслибриса и миниатюрной книги на днях было приобретено миниатюрное издание «Стихотворения» Нины Груздевой, выпущенное издательством «Палисад», г. Вологда, 2005 г., с Вашей спонсорской поддержкой. Выражаем сердечную благодарность за участие в этом издании и надеемся, что подобные миниатюрные книги с Вашей помощью еще не раз будут радовать всех любителей

поэзии, изящной словесности и почитателей миниатюрных изданий. Директор Музея экслибриса МСА В. Лобурев, 10.01.07 г.»

2006 год – мой юбилейный. 15 ноября мне исполнялось 70 лет! Начался он с приятного известия: в январском номере журнала «Москва» опубликована большая подборка моих стихов на четыре страницы! Затем последовали другие публикации. В журнале «Наш современник» № 3 в разделе «Критика» опубликована большая статья известного поэта и прозаика Бориса Шишаева «Разумение сердцем» (Поэзия Нины Груздевой. Воспоминания и размышления). «Роман-журнал XXI век» № 9 посвятил моему юбилею целый разворот: всю первую страницу занимает статья Вадима Дементьева «Летящая», где автор статьи цитирует две последних строфы моего стихотворения «Прошедшее»:

*...Я так свое прошедшее люблю!
И знаю всё: кто друг, а кто предатель,
Я отблески мгновений в нём ловлю
Почти как посторонний наблюдатель.*

*Ты моего прошедшего не тронь.
Не смей входить в него, не зная страха!
В нём есть всегда величественный трон,
И слава, и забвение, и плаха.*

И дает ему оценку: «Настоящие классические стихи!.. В них произошло чудесное соединение голосов, талантов и судеб вологодских поэтов: от Константина Батюшкова до Николая Рубцова. Нина Груздева стала матерью-берегиней северной поэзии. Читателям, воспитанным на традиции, захотелось услышать чистое, без примеси грязи, литературное слово. Они соскучились по сильным характерам, высоким чувствам, выношенным мыслям. В этом ожидании – причина успеха Нины Груздевой, ставшей любимицей вологжан. А Нина Васильевна ждала этого читателя 27 лет!»

Вторая страница под рубрикой «Любимые стихи» отдана целиком моей поэзии. В это же время газета «Российский писатель» №№ 19, 20, октябрь 2006 г. опубликовала

прекрасную статью Вадима Дементьева «Любовь воскрешая» (к юбилею Нины Груздевой), заканчивается которая так: «Их имена – Рубцова и Груздевой сегодня в русской поэзии стоят рядом на расстоянии близкого теплого дыхания». Рядом с этой статьей – большая подборка моих стихов «Краешек зари». Журнал «Лад вологодский» № 3 мое 70-летие отметил большой подборкой стихов с фотографиями и интервью со мной известного вологодского писателя Дмитрия Ермакова. Ко всему прочему, я в этом, 2006 году снова стала победителем III Московского Международного конкурса поэзии «Золотое перо». Мой главный юбилейный творческий вечер в честь моего 70-летия я должна была провести достойно, а для этого надо было немало потрудиться, чтобы как следует его подготовить. Я пригласила композиторов Надежду Берестову, Ольгу Малышеву, познакомились, почитала им стихи, подарила книги, у них появилось вдохновение, и один за другим стали рождаться песни и романсы, их с удовольствием брали для исполнения певцы. У Константина Линка давно уже были готовы песня и романс в исполнении прекрасной певицы Елены Никитиной. У трио «Доверие» (г. Сокол) тоже были готовы две хорошие песни. Композитор и певица Нина Осолихина пришла ко мне и исполнила две своих песни. Я поняла, что с концертными номерами у меня будет все в порядке.

Но с изданием книги пришлось изрядно поволноваться и потрудиться. Еще в начале 2006 года председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев обращался к губернатору В. Позгалеву с просьбой издать книгу моих стихов к моему 70-летию, но получил отказ: нет в бюджете средств. Вадим Дементьев, секретарь Союза писателей России, обращался с той же просьбой к вице-губернатору Н. Костыгову. Тоже отказ. По телевидению я услышала послание Президента В. В. Путина Федеральному собранию и в нем такие слова: «А теперь о главном. Что у нас сегодня Главное? Правильно, любовь!» И я решила срочно написать письмо начальнику Департамента культуры области В. В. Рацко: «Уважаемая Валентина Васильевна! Вчера по

телевидению я слушала послание Президента В. В. Путина Федеральному собранию и в нем такие слова: «А теперь о главном. Что у нас сегодня Главное? Правильно, любовь!» А я всю жизнь пишу только о главном, непреходящем. Значит, моя тема всегда современна и в любые времена найдет себе благодарного читателя. Но у меня есть стихи и на другие темы, и все они – о жизни человеческой души, а, следовательно, они тоже вечны и поэтому всегда современны. Валентина Васильевна! Это будет мой первый и, может быть, последний юбилейный творческий вечер, поэтому очень прошу Вас изыскать средства и издать мою книгу к такому значимому для меня событию. С просьбой к Вам Нина Груздева.

PS. Посылаю Вам подарок – сувенирную миниатюрную книгу «Стихотворения», изданную недавно небольшим тиражом. Она именная. В конце книги найдете в красивой типографской рамке Ваши фамилию, имя и отчество. Н. Г.»

Вскоре я получила положительный ответ: «Уважаемая Нина Васильевна! Прочла Ваше письмо с благодарностью за Ваш энтузиазм и активную жизненную позицию. Примите искренние поздравления с выходом замечательной сувенирной книги. Очень тронута столь ценным подарком!

Рассмотрев Ваше обращение, специалисты Департамента приняли решение о включении сборника Ваших стихов в план издательской деятельности департамента. Мы приложим все усилия для подготовки сборника в Ваш юбилейный год. С уважением, обнимаю! Начальник департамента В. В. Рацко». Региональной писательской организации было дано поручение в срок до 1 июля совместно со мной подготовить рукопись к печати.

Через несколько дней я обратилась в издательство «Книжное наследие» областной библиотеки. Сергей Тихомиров, который занимался изданием книг, ответил мне, что их известили об издании моей книги, но они могут издать ее только на будущий год в количестве 500 экземпляров. Ни то, ни другое меня не устраивало. Мы поговорили с моим постоянным редактором и помощником Александром Цыгановым. Он узнал, сколько выделено средств

на издание моей книги, сходил в ПФ «Полиграфист», там сделали калькуляцию, по которой на средства, выделенные Департаментом культуры области, можно издать мою книгу обычным форматом, на офсетной бумаге, в толстой обложке с золотым тиснением, в оформленной художником суперобложке тиражом 1000 экземпляров, и обещали выполнить заказ вовремя. Я снова написала заявление начальнику Департамента культуры В. В. Рацко с просьбой перевести средства, выделенные на издание моей книги, из «Книжного наследия» в «Полиграфист». Моя просьба была выполнена, книга «Краешек зари» была подписана в печать 11 сентября 2006 года и успела к моему торжеству! Низко кланяюсь моему редактору и постоянному другу Александру Цыганову и художнику Эдуарду Фролову. От них во многом зависело своевременное появление моей книги в свет и ее отличное художественное исполнение! Очень хорошо, что я заказала 500 экземпляров этой книги для себя – на свои средства, и она вышла тиражом 1500 экземпляров. К моему творческому вечеру композиторы поработали очень активно. Было написано много прекрасных мелодий, уже ставших песнями. Дважды я приглашала композиторов и исполнителей песен в писательскую организацию за праздничный стол, где мои друзья-писатели впервые слушали новые песни и романсы, написанные для моего творческого вечера, и все были уверены, что вечер будет прекрасным. Я попросила моих давних и верных друзей Александра и Татьяну Волотовских прослушать и отобрать песни и романсы для вечера и составить его программу. Они все сделали на высоком профессиональном уровне. Программа состояла из шести блоков. Ведущим вечера согласился быть секретарь Союза писателей России Вадим Дементьев, читать стихи – артисты Вологодского областного театра Вера Таюшева и Оксана Киселева, объявлять выступающих – работник областной библиотеки Татьяна Кербут. Итак, к вечеру все было готово!

Союз писателей России к моему вечеру приурочил семинар молодых писателей Вологодской области, для проведения которого должны были приехать из Москвы

известные писатели. 23 ноября в 18 часов был объявлен мой творческий вечер. Я очень волновалась – как же я все это переживу, и обратилась с этим вопросом к моей давно знакомой заведующей поликлиники № 1 Ирине Викторовне Гуляевой – она всегда помогала мне в трудных ситуациях. «Не беспокойтесь, – сказала она, – назовите день и час, когда к Вам прийти, я пошлю к Вам медсестру с лекарством, она сделает Вам укол, и Вы совершенно не будете волноваться. Это я Вам обещаю!» Я до сих пор благодарна ей за эту дружескую услугу! И вот наступил этот торжественный день! В назначенный час пришла моя подруга Татьяна Волотовская. Медсестра из поликлиники уже ввела назначенную инъекцию. Мы оделись. Подъехала машина из Департамента культуры, помогли мне сойти, и мы поехали. Подъезжая к библиотеке, мы увидели пространство, сплошь запруженное народом. «Неужели это все – ко мне?» – спросила я удивленно. «Да, к Вам!» – ответили мне. Когда выходила из машины, мне первым подал руку Виктор Плотников, мой постоянный и верный друг, поджидавший меня. При входе в подъезд было так тесно, что мы с трудом вошли. От раздевалки вся лестница и все фойе было занято. Прошли налево в комнату, разделись и, когда вошли, зал аплодировал стоя! Меня вела под руку Татьяна Волотовская, сзади сопровождал Александр Цыганов. Я села в кресло у стола, и ко мне образовалась огромная очередь почитателей моей поэзии с цветами и подарками. Каждый из них хотел сказать слово благодарности мне. А над залом звучали мои песни 70-х годов прошлого века, написанные композитором Азоном Фаттахом в исполнении прекрасных певиц Ирины Бржевской и Гелены Великановой. Пришлось повторить эти песни, пока не закончилась очередь у моего стола. Я все воспринимала спокойно и в душе благодарила за это Ирину Викторовну. Наконец, Татьяна Кербут объявила начало вечера. Я оглянулась на зал. Он был полон. Даже дополнительные ряды, доходившие почти до микрофона, полностью были заняты. Люди сидели на подоконниках, стояли в боковых проходах, в фойе. Открыл и вел вечер

секретарь Союза писателей России Вадим Дементьев. На вечере выступил первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов, который от имени правления Союза писателей России вручил мне награду – Почетную грамоту за многолетнюю плодотворную творческую работу в русской литературе. Затем в процессе вечера выступали: заведующая отделом культуры журнала «Москва», известный критик Капитолина Кокшенёва, известный прозаик Владимир Личутин, заведующий отделом прозы журнала «Наш современник» Андрей Воронцов. Заместитель губернатора области В. В. Касьянов начал свое выступление прекрасным изречением: «Глубокие реки текут тихо». Спасибо ему за такие слова! Я не тороплюсь гнать строчки, как это делают графоманы. Пишу только по вдохновению. Но 27 лет не издавали моих книг, не давали мне выйти к читателю, а ведь это были лучшие творческие годы! И все это время я должна была зарабатывать свой хлеб ежедневным нелегким трудом! А члены Союза писателей занимались творчеством, издавали книги, получали гонорары. Кроме того, у них был литературный фонд помощи, специальные санатории и Дома творчества, которые обеспечивали им стол и дом, и сытую творческую обстановку. А еще для них была открыта обкомовская больница с поликлиникой и обкомовская столовая с буфетом. У меня же всего этого не было.

Итак, вечер мой шел прекрасно! Выступали от Департамента культуры, от Законодательного собрания области; от городской Думы выступил депутат, постоянный мой помощник и спонсор Владимир Леонидович Зинин, генеральный директор «Тепличного», и подарил мне целую упаковку моих мини-книжек, изданную им в бархатном переплете разных цветов.

Вечер проходил точно по составленной программе. Каждый ее блок открывал Вадим Дементьев. Соответственно фоторяду он рассказывал мою биографию, касаясь творческого пути, зачитывал некоторые поздравления (их было очень много), объявлял выступления московских писателей. Артисты по очереди читали стихи. Исполнителей

песен и романсов объявляла Татьяна Кербут. Все участники вечера восторженно принимались залом, награждались цветами и бурными аплодисментами. Заявок на выступления сверх программы вечера было так много, что вместо записанных в программе 1 часа 20 минут вечер продолжался 2 часа 20 минут. И никто не устал. Когда все закончилось, ко мне подходило очень много слушателей с цветами, подарками и сердечной благодарностью за прекрасный вечер. Я была окружена фотоаппаратами – всем хотелось сфотографироваться на память. Домой я приехала вся в цветах и подарках. Цветы были везде: в вазах, в банках, ведрах и даже в тазах. До сих пор люди вспоминают с благодарностью этот незабываемый вечер! А в моей квартире долго не умолкал телефон, люди снова хотели со мной встретиться. Московские гости говорили: «Столько народа на вечер поэзии невозможно в наше время собрать ни в Москве, и нигде в России!» Так сказал первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов. «Ой, Нина, как тебя любят!» – удивленно воскликнула заведующая отделом журнала «Москва» Капитолина Кокшенёва. «Если бы всем, кто записался на выступления, дать слово, пришлось бы сидеть до утра!» – вторил им ведущий вечера, секретарь Союза писателей России Вадим Дементьев. Я долго не могла прийти в себя после всего пережитого за этот вечер!

Материалы с известиями о моем юбилейном творческом вечере были опубликованы в «Литературной газете», «Литературной России», «Российском писателе», статья в журнале «Лад вологодский», а также в вологодских газетах и по областному радио.

Через некоторое время я пригласила в писательскую организацию всех композиторов, певцов, моих друзей-писателей, Татьяну и Александра Волотовских за гостевой стол, чтобы от всей души поблагодарить их всех, еще раз послушать песни, задушевно поговорить. Владимир Кудрявцев наши посиделки снял на диск, на котором все еще поет свою песню наш Саша Грязев... Светлая ему память!

Моя новая книга «Краешек зари» была представлена Вологодской писательской организацией на Всероссийскую литературную премию имени Афанасия Фета.

Вспоминаю, как Сергей Викулов летом 1997 года приехал в Вологду, чтобы отметить свое 75-летие с размахом. Попросил для этого события в его жизни огромный зал Русского Дома. Его предупреждали в нашей писательской организации, что такого большого зала теперь не заполнить. Викулов не поверил. Реклама об этом событии была огромная: афиши, газеты, областное радио и телевидение – все поработало в полную силу. Я пришла в писательскую организацию для того, чтобы позвонить по телефону и договориться об очередном моем выступлении, чтобы точно определить его время. Меня в то время нарасхват приглашали на выступления, бывало, когда я получала по 2–3 приглашения в день. Их бросали в мой почтовый ящик. Дверь в подъезде тогда не запиралась. Домашнего телефона у меня не было, и мне приходилось ехать в писательскую организацию, чтобы позвонить по указанным номерам телефонов и договориться о времени выступления. Спасибо писателям за то, что они мне никогда не отказывали. В тот день я встретила там Сергея Викулова. Он пригласил меня на свой вечер. Кстати, тогда я уже была полноправным членом Союза писателей России.

Когда к указанному часу я пришла в Русский Дом на вечер С. Викулова, зал был почти пуст. Пришли меньше десятка вологодских писателей, по два человека из двух газет «Красный Север» и «Русский Север» (корреспонденты и фотокорреспонденты) и два знакомых Викулову человека. Собрали всех в один уголок и сфотографировали для газет. Следовательно, никакого вечера у С. Викулова не было. Он пригласил сразу всех в зал, где были расставлены столы с угощениями. С. Викулов был очень подавлен. Он понял, что поэта С. Викулова вологжане уже давно забыли. Гости тоже чувствовали себя неловко. Словом, 75-летие С. Викулова в родной Вологде было очень похоже на поминки. Юбиляр сразу же уехал в Белозерск. Что было бы с

Сергеем Викуловым, если бы он побывал на этом незабываемом вечере моего 70-летия? Даже представить трудно!

После этого несостоявшегося викуловского 75-летия в Вологде я вспомнила слова известного критика Валерия Васильевича Дементьева, тоже вологжанина, в одной небольшой компании, которой он, видимо, полностью доверял. Зашел разговор о Сергее Викулове: «Ты, Нина, знаешь, как пишет стихи Викулов?» – спросил он меня. «Не знаю», – ответила я. «А очень просто, – сказал Валерий Васильевич, – каждый вечер он садится за стол, берет бумагу, ручку и дает себе задание написать сегодня столько-то строк! И пока не напишет столько – не ляжет спать. Ты так пишешь?» – спросил он меня. «Во-первых, – ответила я, – живу я в деревянном доме, в котором каждая семья ютится в одной комнате, нет воды, отопление – дрова, одно удобство – электрическая лампа, еду готовят на керосинке. В той же комнате, в которой я живу, – мать с взрослой дочерью. Сплю на раскладушке, которая помещается, если сдвинуть стол к комоду. Кто мне разрешит включить свет, если люди легли спать? Питаюсь я в столовых, белье сдаю в прачечную, готовлюсь к экзаменам, читаю по программе книги и пишу контрольные работы в библиотеке. Живя в таких условиях, я работаю корреспондентом газеты для заключенных области, езжу в командировки, но я все-таки пишу стихи, которые прошли огромный творческий конкурс в два тура, и учусь теперь заочно в Литературном институте. А живу все в том же доме, в той же комнате и в тех же условиях. Стихи пишу урывками, только по вдохновению, никогда ничего не выдумываю». Так я объяснила всем, кто был тогда за столом. Никогда не заучиваю ничьих стихов специально, они запоминаются сами. Моя память хранит огромное количество любимых стихов. Знаю много стихов Сергея Сергеевича Орлова – тоже родом из Белозерска, но не помню ни одной строчки из творчества Сергея Викулова, потому, видно, что писал он по заказу разума, а не по велению души. А читатели это чувствуют и не проявляют интереса.

Еще задолго до моего творческого вечера у композитора Н. М. Берестовой накопилось столько песен и романсов на мои стихи, что она решила издать диск и попросила председателя городской Думы А. Н. Лукичева (он избирался в Думу на ее участке) найти спонсоров для издания нашего диска. Он согласился и попросил меня написать заявление с этой просьбой на его имя. Я написала, вскоре он нашел спонсора в моем родном Харовском районе. На эти деньги Н. М. Берестова записала три песни. Правда, на этот диск кое-что у нее было уже записано на личные средства. Но А. Н. Лукичев вскоре ушел из Думы, став депутатом Законодательного собрания области, и оставил нас при своих интересах. Ждать дальнейшей помощи пришлось долго.

К тому же я пообещала всем композиторам, участвовавшим в моем вечере, издать общий диск и написала письмо В. В. Рацко с просьбой об этом. Но В. В. Рацко временно перешла на охрану объектов культурного наследия области, а на ее место пришла Л. Н. Кашина и на мое обращение ответила от имени Департамента, что деньги на мой диск будут выделены, и он будет издан к юбилею областной библиотеки. Но ничего этого так и не было сделано.

В конце февраля 2007 года пришла ко мне беда и вырвала меня из творческого процесса и вообще из жизни на целых два года. Подвел желчный пузырь. Воспалился настолько, что если бы я не позвонила вечером моему другу, заместителю главного врача Ярославской областной больницы, доктору медицинских наук, прекрасному хирургу Геннадию Макаровичу Коротаеву, и не рассказала, что со мной и как себя чувствую, то моя жизнь висела бы на волоске. Он крикнул: «Срочно на хирургию! Я сейчас позвоню Павлу Евгеньевичу Шепринскому, и тебя срочно увезут. Одевайся!» Он знал, что я одна и помочь мне некому. Вскоре подъехала машина из городской больницы, меня увезли, положили сразу в двухместную палату. Попробовали лечить внутривенно, но сразу поняли, что нужна операция. Промывали желчный пузырь от гноя – его скопилось очень много. Вставили в желчный пузырь

трубку, пролечили, а когда привезли домой, за мной потребовался уход. Сначала по очереди ухаживали подружки, а потом Александр Цыганов привел ко мне Любовь Кострову, с которой долгие годы работал и хорошо знал. Как мне повезло, что у меня в то время было столько добрых друзей! Кого-то из них уже нет в живых, кого-то увезли к себе родные, а кто-то сильно болен и помочь мне уже не сможет. Такой уж у меня и у них возраст!

Когда трубку сняли, оказалось, что операционное отверстие не закрылось, и Любе пришлось делать перевязки. К тому же опять открылись трофические язвы на правой ноге (а они ужасно болезненны). Любе пришлось делать и там перевязки. И все это длилось вплоть до операции по удалению желчного пузыря. Методом лапароскопии почему-то мне делать было нельзя. Надо было резать. Операцию назначили только на конец июня 2008 года. У меня в жизни много было операций, но я никогда не волновалась и на операции соглашалась спокойно. Владимир Николаевич Бунтов, заведующий хирургическим отделением, сказал мне: «Операцию буду делать я сам. Разрез сделаю очень изящный. Все будет хорошо!» Да, разрез был сделан действительно небольшой, но после операции пришлось повозиться очень долго. Желудок не принимал ни питья, ни еды. Кормили и поили через вены. Через рот выходила из меня какая-то черная, очень горькая жидкость. В последний раз даже не могли найти вену, куда можно было бы влить лекарство и питье – все вены были исколоты, и ушли от меня. Я поняла: все! Но опять случилось чудо: изнутри меня через рот вышла не жидкость, а какие-то темные кристаллы. Через некоторое время я захотела пить, и желудок принял воду. И стал принимать сначала воду, а потом через некоторое время и жидкую еду. В который раз в моей жизни я возрождалась снова, как Феникс из пепла! Но снова беда: я простудилась, и у меня начался хронический бронхит. Тут на помощь пришли друзья. Заместитель председателя писательской организации Виктор Плотников покупал лекарства, делал дома отвар отхаркивающего сбора, посадил меня, чтобы не пролить лекарство, поил,

предварительно разогрев его, покупал белье и делал все, что нужно тяжело больному другу. А вечером приходила моя подруга Екатерина Филипповна Климушина, которая издала в 1995 году авансом мою книгу «Воскресение», благодаря чему в 1996 году я стала членом Союза писателей России. Она ухаживала за мной как за родным человеком: делала растирания, массажи и многое другое, не считаясь со временем. Внизу всегда ожидал ее муж – Владимир Николаевич. И так пришел день выписки. Виктор Плотников привез меня домой. Встречала нас Люба Кострова. Виктор Плотников выписал и получил все, что нужно неходячему инвалиду. Через некоторое время я стала передвигаться с помощью ходунков, и до сих пор они верно служат мне. Я низко кланяюсь всем моим друзьям и медицинским работникам, которые помогли мне выжить!

Осенью 2008 года мне позвонил редактор журнала «Лад» Андрей Сальников и сообщил прекрасную новость: «Нина, ты – лауреат Большой литературной премии России! Поздравляю! Мне сейчас позвонил Вадим Дементьев, он – член жюри и просил поздравить тебя с самой престижной премией Союза писателей России. Твоя книга «Краешек зари» признана лучшим произведением 2007 года!» Я с трудом дожидаясь до вечера, чтобы позвонить В. Дементьеву. Он все подтвердил и дал мне телефон Марьяны Васильевны Зубавиной, тоже члена этого жюри, с которой я была совершенно незнакома. «Она так убедительно отстаивала твою кандидатуру, так хорошо знает и любит твою поэзию! Тебе надо обязательно поблагодарить ее. Я за тебя не голосовал, у меня была другая кандидатура – моя жена Капитолина Кокшенёва, но она, к сожалению, не прошла», – сказал Вадим Дементьев. А К. Кокшенёва – одна из самых известных и авторитетных современных критиков. Значит, борьба была жесткой! Когда я позвонила М. В. Зубавиной, от всей души поблагодарила ее, она ответила: «Не волнуйтесь! Вы заняли свое место по праву. Вы – настоящий большой поэт-лирик!»

Диплом Большой литературной премии России вручали в Москве в храме Христа Спасителя в торжественной

обстановке 4 декабря 2008 года. Там в этот день происходили два события огромной важности: заседание Всемирного Русского Народного Собора и 50-летие Союза писателей России, на котором присутствовали все известные современные писатели и руководители региональных писательских организаций. Мой диплом получал за меня председатель нашей писательской организации Михаил Иванович Карачев. Через несколько дней, в присутствии заместителя председателя нашей писательской организации Виктора Александровича Плотникова, писателя Дмитрия Анатольевича Ермакова и работника областного Департамента культуры Светланы Александровны Смирновой М. И. Карачев вручил мне этот красивый диплом Большой литературной премии России с портретом А. С. Пушкина, в котором моя книга стихов «Краешек зари» признана лучшим произведением 2007 года! На эту встречу я пригласила Н. М. Берестову с нашим незаконченным диском. Всем очень понравились песни и романсы, и С. А. Смирнова пообещала дать средства на аранжировку и запись трех произведений, которые вскоре пополнили диск. А в январе 2009 года деньги за премию поступили на мою сберегательную книжку, и эти средства позволили нам завершить работу над диском и издать по 100 дисков Н. М. Берестовой и мне. «Здравствуйте, клены!» – так мы его назвали. Первая презентация его состоялась на юбилейном вечере композитора Н. М. Берестовой во Дворце творчества детей и молодежи 4 марта 2009 года и имела огромный успех. С успехом прошла презентация диска и в областной библиотеке, а также в институте бизнеса. Наш диск и мою книгу «Краешек зари» мы с Н. М. Берестовой подарили художественному руководителю областной филармонии Геннадию Ивановичу Соболеву. Через некоторое время он позвонил мне и сказал, что и моя книга и диск ему очень понравились, и он хотел бы отметить мой день рождения презентацией диска Н. Берестовой на мои стихи. 15 ноября 2009 года мне исполнялось 73 года. Я согласилась. Концерт снова прошел с большим успехом. За несколько дней до концерта все билеты были проданы. Мое

74-летие было так же успешно отмечено на моей родине в Харовском районном Доме культуры. Снова Н. М. Берестова и мои певцы, которых я очень люблю и благодарю, постарались на славу. На высоком уровне прозвучали наши песни и романсы на музыкально-педагогическом факультете педуниверситета, в Усть-Кубинском районном Доме культуры, в деревне Тимонихе – на родине В. И. Белова.

Приближалось мое 75-летие. К этому событию в моей жизни Н. М. Берестова подготовила хороший подарок: издала и подарила мне нотный сборник «Здравствуйте, клены!» – песни и романсы на стихи Нины Груздевой, Вологда, 2011 год. Председатель Вологодского отделения Союза композиторов России Михаил Гоголин в предисловии к сборнику пишет, что уже давно наше сотрудничество стало фактом общественного признания: «Сборник, который Вы держите в своих руках, представляет собой нотное издание песен, вошедших на аудиодиск «Здравствуйте, клены!» Безусловно, этот песенный цикл должен стать достоянием многих. Песни эти должны исполняться, они заслуживают внимания и широкого признания». В этом предисловии М. Гоголина записаны и мои слова из моего обращения к Н. Берестовой в день ее юбилея, на котором состоялась первая презентация нашего диска: «Я держу в руках этот долгожданный диск, и радость переполняет мою душу! Вы нашли правильные музыкальные ключи к моим стихам и создали прекрасные мелодии в лучших традициях русской песенной классики!»

Работа над общим диском, который я обещала выпустить композиторам и певцам еще в 2006 году, согласие на него получила от Департамента культуры в 2007 году, задержалась из-за моей тяжелой болезни. В Департамент культуры возвратилась В. В. Рацко, я напомнила ей о диске, и стали понемногу давать денег. Всю работу с композиторами, певцами и аранжировщиком Антоном Чекавинским (он же делал первоначальную запись произведений) я взяла на себя. С ними установились деловые и дружеские отношения. Все мои замечания быстро исправлялись. За окном была уже весна 2011-го, моего юбилейного года, а

работы по аранжировке и записи оставалось еще много. Я спросила С. А. Смирнову, которая была связной между мной и В. В. Рацко: «Когда будут деньги на диск?» – «Пока денег нет...», – был ответ. «Светлана Александровна, – сказала я, – тогда я на свои деньги буду доделывать диск. С Антоном Чекавинским я уже договорилась». И началась трудная работа по завершению диска. Результат был отличным! Уже составленный мной и выверенный по звуку первый диск я послала в Департамент культуры. Очень понравилось, и они стали издавать. Хотели издавать в Москве, но времени до юбилея оставалось мало. Я, не надеясь, что они успеют к юбилею, издала свой вариант диска и отдала его Г. И. Соболеву для подготовки моего юбилейного концерта. Департамент культуры вернул мне все средства, затраченные мною на подготовку диска. Прослушав мой новый диск, потомственный музыкант Вера Юрьевна Митрошкина, которая много лет работает на Вологодском радио и ведет его музыкальный отдел, сказала: «Этот диск очень выгодно отличается от всех дисков, изданных за последние годы в Вологде». Они вместе с Ириной Альбертовной Цветковой сделали на радио несколько больших передач с исполнением моих стихов, песен и романсов этого диска.

Помня, как любители моей поэзии штурмом брали большой зал областной библиотеки, где проходил мой предыдущий юбилейный вечер, Департамент культуры издал красивые пригласительные билеты соответственно количеству мест в Вологодской областной филармонии. В диске было представлено двадцать одно произведение семи композиторов. Один из них Азон Фаттах (г. Москва). Его песни «А все ж пойду» и «Мой лесник» были написаны еще в 1973 году. Эти стихи были опубликованы в популярном журнале «Огонек» № 10 за 1973 год (тираж журнала 2 миллиона 100 тысяч экземпляров). Исполняли эти песни известные певицы Гелена Великанова и Ирина Бржевская. Шесть композиторов – тоже известные вологодские авторы музыки: Надежда Берестова, Ольга Малышева, Юрий Беляев, Константин Линк, Александр Хазов и

Лариса Ковалева. Песни и романсы исполняли прекрасные вокалисты, которых я очень люблю и которым от всей души благодарна за творческое сотрудничество: Елене Никитиной, Анне Малиновской, Александре Колотий, Сергею Демину, Наталие Лисовой, трио «Доверие» и трио «Откровение». Все исполнители, кроме трио «Доверие» и «Откровение», мне были хорошо знакомы по диску Надежды Берестовой. Мой юбилейный творческий вечер готовил заслуженный артист России, обладатель в прошлом красивого оперного баритона, много десятилетий проработавший художественным руководителем Вологодской областной филармонии Геннадий Иванович Соболев. Недавно он отметил свое 75-летие и до сих пор трудится на этом творческом посту. Большую помощь в подготовке и проведении этого прекрасного вечера оказала ему мой друг и композитор Надежда Михайловна Берестова. Мои стихи проникновенно читала актриса Вологодского драмтеатра Наталья Ситникова. Это был концерт-презентация моего нового диска песен и романсов «Твое имя». Я не смогла присутствовать на вечере. Но мое присутствие ощущалось во всем: в обращении ко мне Геннадия Ивановича Соболева, когда он рассказывал факты из моей творческой биографии, когда он зачитывал поздравление Союза писателей России с моим 75-летием, в видеоряде фотографий, которые выставила Н.М. Берестова, в прекрасном выступлении Владимира Кудрявцева. Видеоряд сопровождался моим стихотворением «Душа», обращенным к залу:

*Везде душа моя витает:
Что ждет, что любит, чем горит...
Она и в сумерках не тает,
И днями с вами говорит.
Она повсюду с вами будет:
В любви, на отдыхе, в трудах...
И вы ее найдете, люди,
В моих стихах.*

Кстати, моя новая книга «Душа», выпущенная Департаментом культуры по решению Правительства Вологодской

области, тоже была издана к моему творческому вечеру. Зал был, как всегда, полон, и каждому присутствующему в зале были от моего имени подарены новые диски «Твое имя». Киностудия «Вологдафильм» издала музыкальный фильм с этого вечера, который вместе с моей книгой «Душа» и аудиодиском «Твое имя» были подарены всем, кто готовил творческий вечер и принимал в нем участие. Отдельно поблагодарить хочу прекрасную певицу Ирину Аверичеву, которая очень достойно заменила Елену Никитину, исполнив главные песни диска «Прошедшее», «Твое имя», «Часы песочные». Когда закончился вечер, зрители долго стоя аплодировали участникам концерта, а после возвращения домой звонили мне, поздравляя с юбилеем, и благодарили за прекрасно проведенный вечер, а одна из них сказала мне слова благодарности, которые забыть невозможно: «Нина Васильевна! Спасибо Вам за этот необыкновенный, прекрасный вечер! Сегодня побывала на небесах! Спасибо Вам, что Вы есть!»

В связи с моим юбилеем правление Союза писателей России наградило меня Почетной грамотой за большой вклад в современную русскую поэзию.

В 2012 году ожидало меня еще одно замечательное событие в моей жизни. В один из летних дней позвонил мне глава моего родного Харовского района Александр Николаевич Мазуев. Договорились встретиться и поговорить. Я никогда не теряла связи со своей малой дорогой родиной: с Пундужской средней школой, с Харовской районной библиотекой, с районным отделом культуры. Когда приехал А. Н. Мазуев, я показала ему все, чего достигла в литературе с 1996 года, в котором стала членом Союза писателей России. По решению муниципального собрания района от 24 июля 2012 г. за № 31 мне присвоено очень дорогое звание «Почетный гражданин Харовского муниципального района». Огласил это А. Н. Мазуев на Дне города Харовска, на его главной площади при большом стечении народа 4 августа 2012 года. А через несколько дней приехал сам ко мне на квартиру и вручил красивый диплом «Почетного гражданина Харовского муниципального

района» в красивой рамке, удостоверение об этом событии и повязал через плечо красивую ленту Почетного гражданина. Диплом я повесила на самое видное место.

А. Н. Мазуев очень обрадовал тем, что привез с собой двух женщин-пундужанок. Татьяна Евстафьевна Максимова создала в Пундужской средней школе музей моего имени, в котором собрано уже много экспонатов, и показала мне огромный альбом с моими фотографиями. Я держу с музеем постоянную связь и пополняю его.

Мое 76-летие было отмечено концертом-презентацией нового диска песен и романсов, составленного полностью на мои стихи, «Так любовь мне сказала». Он был издан к этому событию прекрасной, известной и любимой вологжанками певицей Анной Малиновской. Концерт проходил в большом зале городского Дворца культуры. Зал был, как всегда, полон. Свои песни Анна Малиновская сопровождала рассказом обо мне и моем творчестве. На презентации выступала композитор Надежда Берестова – ее песен в диске было записано больше других композиторов. Кроме нее в диске были представлены произведения еще четырех композиторов: Ольги Малышевой, Юрия Беляева, Константина Линка и Марины Кулаковой. Было много цветов, приветствий, аплодисментов. Киностудия «Вологдафильм» сделала профессиональный видеофильм с этой презентации. А сразу после окончания вечера Анна Малиновская привезла мне несколько красивых букетов цветов и тетрадь с прекрасными отзывами зрителей о моей поэзии и словами благодарности за мое творчество. Вот одно из них: «Дорогая Нина Васильевна! Просто сказать спасибо за Ваши стихи – это не сказать о Главном. Главное – в том, что Вы умеете доставать с самого доньшка Вашей души изумительные сокровища, которым благодаря Таланту дана огранка замечательным слогом поэта – вот в этом самая сокровенная суть вашей поэзии».

В 1995 году, когда после двадцати семи лет вынужденного молчания мы с моим редактором и помощником Александром Цыгановым работали над выпуском двух моих книг «Твое имя» и «Воскресение», я увидела в

писательской организации новую большую антологию «Русская поэзия XX века», только что изданную. Кому-то из вологодских поэтов посчастливилось попасть в такое шикарное издание! Я откликнулась на это событие четырьмя строками:

*Моя поэзия распята
И с пошлым веком не в ладу.
Я не попала в век двадцатый,
Но в двадцать первый попаду!*

Можно ли было тогда подумать, что всего через десять лет (в 2005 году) выйдет огромный трехтомный биобиблиографический словарь «Русская литература XX века» (прозаики, поэты, драматурги), изданный Российской академией наук, Институтом Русской литературы («Пушкинский Дом»). Каждому писателю, удостоенному чести попасть в это престижное издание, отведена целая статья (биография и анализ творчества), есть статья и о Нине Груздевой, написанная Вадимом Дементьевым. При встрече с ним я спросила: «Кто дал заказ на статью обо мне? Союз писателей России или его председатель В. Н. Ганичев?» «Нет,— ответил В. В. Дементьев,— заказ на статью о тебе поступил от издателей «Словаря» из «Пушкинского Дома». И я вспомнила, как однажды зашел ко мне композитор Александр Гусев из Санкт-Петербурга и спел мне три песни на мои стихи. Я подарила ему тогда мою книгу «Часы песочные», изданную в 2001 году. А второй экземпляр этой книги я попросила А. Гусева свезти в «Пушкинский Дом» и передать его лично Н. Н. Скатову. Он обещал выполнить мою просьбу сразу. Вскоре он мне позвонил, что ездил в «Пушкинский Дом» и передал мою книгу «Часы песочные» лично Н. Н. Скатову. А этот «Словарь» был издан под общей редакцией доктора филологических наук, члена-корреспондента РАН Н. Н. Скатова. Могла ли я подумать, что моя книга «Часы песочные», изданная в 2001 году, приведет меня в самое престижное издание — биобиблиографический словарь «Русская лите-

ратура XX века» (прозаики, поэты, драматурги), здесь вся история литературы целого XX века! Это высшая оценка моего творчества! Каждая статья словаря сопровождается фотографией писателя. Фотография к статье обо мне взята из моей книги «Часы песочные». За весь период со дня существования писательской организации в Вологодской области внесены в этот словарь руководители: С. Викулов, А. Романов, А. Грязев, Р. Балакшин и его члены: прозаики В. Белов, С. Алексеев; поэты Н. Рубцов, Н. Груздева, О. Фокина, А. Шадрин.

В 2005 году мои стихи были опубликованы в антологии «Русская поэзия XX века», изданной в городе Таллин (Эстония), а в конце 2005 года международный журнал «Балтика» (г. Таллин) опубликовал мои стихи в разделе «Поэты России – начало XXI века. Современная русская поэзия», где были представлены стихи лучших поэтов-современников: Владимира Кострова, Глеба Горбовского, Юрия Кузнецова, Виктора Смирнова, Игоря Ляпина, Геннадия Иванова и многих других.

Что век грядущий мне готовит?

РАЗУМЕНИЕ СЕРДЦЕМ

Поэзия Нины Груздевой.

Воспоминания и размышления

Шестидесятые годы прошлого столетия...

Звучит уже исторически, не правда ли? А ведь это и в самом деле были исторически очень значимые годы – подъем всей нашей культуры на какой-то совершенно новый, сокровенный уровень, огромный всплеск поэзии и прозы...

Мы учились тогда в Литературном институте им. А.М. Горького – и Николай Рубцов, и Сергей Чухин, и Нина Груздева, и автор этих строк. Да разве только мы? В Литинституте учились тогда все те, чьи имена стали гордостью русской литературы в последующие десятилетия, с кем и поныне поставить рядом некого.

У Николая Рубцова в Москве было как бы два круга друзей: один составляли литераторы, укоренившиеся в столице, имевшие уже немалую известность и обладавшие недюжинной деловой хваткой, а в другой входили, что называется, свои – земляки-вологжане, включая и тех, кого я называл выше, да еще рязанские, уральские, алтайские ребята, едва только начавшие утверждать себя в литературе. В этом кругу Коля отдыхал душой, тут говорилось больше о простом, земном, сердечном, тут его ценили по-настоящему, стихи его слушали, затаив дыхание.

Сидели мы как-то в общежитии на улице Добролюбова в моей угловой комнате, и разговор зашел о женском контингенте Литинститута.

– Это надо же, – сказал Сережа Чухин, – целый этаж у нас тут женский, и в основном ведь поэтессы все... Это сколько же будет поэтесс? Слушайте, братцы, а можем мы кого-либо из них поставить вот тут, рядом с нами?

– А наша Нина? – встрепенулся Рубцов. – Про нашу Нину Груздеву ты забыл, что ли? Только Нине рядом с нами и место, а остальным даже и близко делать нечего.

Нина – поэт с большой буквы, у Нины чувство сильное, без малейшей женской подделки...

И закивали все: да, пожалуй, сильнее поэта, чем Нина Груздева, на сегодняшний день на женском четвертом этаже не найдется.

Незаметно пролетели с той благодатной поры целые десятилетия, ушли из жизни и Рубцов, и Чухин, а потом еще ушло такое множество друзей, что где-то в середине девяностых мне, уехавшему из города на жительство в свой родной поселок, хотелось подняться на какой-либо холм и, обратив лицо к небу, завывать от ужасающего одиночества.

И как раз в это время пришла мне из Вологды бандеролька. Глянул с радостным удивлением – Нина Груздева. Она прислала два своих только что вышедших сборника стихов – «Воскресение» и «Твое имя», а в письме просила дать ей рекомендацию для вступления в Союз писателей. Я пораился: как же так, неужели Нину с ее прекрасными стихами до сих пор не приняли в Союз? Ведь еще когда училась в Литинституте, вышла у нее книжка стихов «Тропинка», а в то время, если кому-то удавалось выпустить книжку, будучи студентом, то уже как-то само собой подразумевалось, что это залог надежного литературного успеха в будущем.

После смерти Рубцова мне не раз приходилось встречаться в Москве на различных литературных мероприятиях и с Чухиным, и с Коротчаевым, и еще кое с кем из вологжан, справлялся я у них о Нине, но даже и в голову не приходило спросить, приняли ее в Союз писателей или нет. Считал, что она давно в Союзе; как можно не принять человека, творчество которого высоко ценилось и Сельвинским, и Боковым, и Рубцовым, да и не только ими!..

А оказалось вон оно как – годы, два с лишним десятилетия забвения... Написал я Нине рекомендацию и, учитывая то, что будут ее зачитывать в Вологодской писательской организации на собрании по приему, посетовал без обиняков: дескать, что же это вы, братцы, к судьбе столь одаренного человека-то с таким равнодушием относитесь?

Узнал потом, что вроде бы спохватились. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда.

Вступление в Союз писателей, конечно же, и поддержало, и открыло Нину Груздеву. В 1998 году в серии «Вологда. XX век» вышел новый сборник ее стихотворений «Звезда», а в 2001 году еще одна прекрасная книга – «Часы песочные».

И более всего, читая эти книги, радуюсь я тому, что Груздева, несмотря на долгие годы непризнания ее творчества, невзирая на боль, которую испытывает любой поэт, обреченный на забвение, осталась верной своей сути, не приспособилась к веянию новых веков, не предала однажды выбранную ее сердцем тему – великую тему любви. В наше нелегкое переломное время немало известных писателей и поэтов не справились с собой – отреклись от высокого, истинного и скатились к ложному, низменному, стали работать «на потребу улицы». А Нина Груздева – женщина! – несмотря ни на что, сумела справиться с собой и более того – обрела новую силу.

Читая как-то ее стихи, задумался я о времени нашем переломном, о великой теме любви и вдруг задал себе вопрос: а может, в том, что Нину Груздеву отринули на многие годы и пытались забыть, есть нечто закономерное? Ведь именно в переломное время в России пытались отринуть и забыть Есенина, хотя уже и после его смерти. А Бунина отринули и пытались забыть при жизни. А не за то ли, что писали прежде всего о любви и делали это с таким огромным чувством, с таким проникновением и так убедительно, как никто?..

Странная у нас Родина: когда судьба ее висит на волоске, откуда-то вдруг появляется множество людей, которым слово «любовь» и произносить-то стыдно, они даже стараются заменить его каким-нибудь другим. А вот ненависти ничуть не стыдятся.

Бунин, отринутый, почти забытый в России, и на чужбине продолжал писать о любви. О нашей русской любви – высокой, мучительной, сжигающей, жертвенной. И «Жизнь Арсеньева», и «Темные аллеи» – произведения,

за которые он был удостоен Нобелевской премии,— именно о ней. Это и ему там помогло выживать, и нам теперь жить помогает. Бунин считал, что любовь — это некий высший, напряженный момент бытия, что, подобно зарницам в ночи, она озаряет всю жизнь человека.

И мне кажется, что Нина Груздева в своем творчестве очень близка именно к такой оценке любви. Думаю, что если бы она относилась к самому высочайшему из человеческих чувств по-иному, то вряд ли сумела бы сохранить верность этой теме, живя столько лет в отрыве от читателя на своей родине, словно на чужбине.

Есть у нее стихотворение, где любовь, как бы обладая голосом, говорит от своего имени:

*Не удивляйся, я приду сама,
Как солнце, как прозренье, как чума.
Болезнь заставлю жизнью, красотой.
Сокровища несметные открою,
Руками, как крылами, обойму.
Прильну дыханьем к сердцу твоему,
Заставлю биться сладостно и больно,
Пока себе я не скажу: «Довольно!» —
И, раскаливши душу добела,
Сама уйду неслышно, как пришла.*

Так ли уж далеко это от бунинского понимания любви? По-моему, здесь то же самое понимание ее: любовь — это великое озарение, наивысший момент в жизни человека, и только в этот момент человек способен ощутить всю полноту жизни, все ее богатство, всю ее красоту.

Немного поспорил бы я, может, с Груздовой лишь на счет последней строки этого стихотворения. Да, любовь чаще всего уходит, но совсем ли она уходит, вся ли? Она оставляет в душе такой глубокий след, что человек ощущает его долго, практически всю свою жизнь. И когда эта всевышняя вспышка уже далеко позади, когда наступает время подводить итоги, то, перебирая все свои былые беды и радости, успехи и провалы, взлеты и падения, опять вдруг ощущаешь нечто вроде озарения той давней

любовью и задаешь себе вопрос: а, несмотря на боль, на все муки, которые она с собой принесла, было ли у тебя что-либо прекрасней и выше этого? И сам же себе отвечаешь: нет, выше этого не было ничего.

Да, впрочем, вряд ли и стоит спорить об этом с Ниной Груздевой, поскольку большинство ее стихотворений – не о любви нынешней, не о любви, что называется, в чистом виде, а как раз и несут они в себе тот самый след былого. Как и у Бунина. Нести это всю жизнь – нелегкий для души труд, и Груздева с присущим ей проникновенным волнением, даже почти с надрывом убеждает тех, кто не в силах понять этого:

*Уймите справедливые упреки,
Что труд в стихах моих не побывал.
Стихов я не выдумывала строки –
Их кто-то мне ночами диктовал!
Нет, не бралась не за свое я дело,
И, кажется, по-своему права:
Я так писала, как душа велела –
Любовь и слезы сплвила в слова!*

След, который несет в себе душа Нины Груздевой, столь глубок, что стихи, написанные ею на эту тему, являя собой как бы повесть-исповедь о любви – об одной-единственной, ушедшей, но непроходящей.

И в наше умопомрачительное время, при нынешнем безобразном отношении к любви, когда наивысшее проявление ее стали называть будничным иностранным словом «секс», когда и мужчины, и женщины все с большим вдохновением меняют свои привязанности, даже и не помышляя о том, какой ответственности и жертвенности, какого мужества требует истинная любовь, голос Нины Груздевой, вещающей именно обо всем этом, не похож ли на «глас вопиющего в пустыне»?

Наверное, так оно и есть. Но, Боже мой, как он сегодня нужен, этот голос, вернее, этот глас... И напрасно кто-то думает, что он бесполезен. Ведь с «гласа, вопиющего в пустыне» начиналась новая эра человечества, то есть наша

эра, которой вот уже две тысячи лет. И вещал он тогда погрязшим в грехах людям прежде всего об истинной любви.

Когда Нину Груздеву не печатали, то наверняка упрекали ее в «излишней приверженности к теме любви», а ведь у нее немало стихов и на другие темы, да каких стихов!.. Душа человеческая, ее сегодняшнее обнищание, обезвреживание створками, как у раковины, – это ли не главная тема сегодняшнего дня? И сколь убедительно, с какой горькой сердечной проникновенностью решает ее Нина Груздева в стихотворении, посвященном А. Цыганову...

*Натрудившись, душа хочет
к близкой душе прислониться.
Только где же сейчас ты ей душу
такую найдешь?
Души все в камышах.
Не шелохнутся тихие ветки.
Их сейчас не найдешь там,
хоть днем с фонарями ищи.
Как с душой нараспашку
по жизни прошли наши предки.
Так сегодня мы все поголовно ушли
в камыши...*

А какое теплое и глубокое – сродни рубцовскому – понимание родины ощущается в ее стихах, насколько ненавязчив, но точен и объемён у нее пейзаж, всегда исполненный высокого смысла... Как, например, в стихотворении «Август»:

*Глубокая таинственная ночь
Легла на отсыревшую дорогу,
И ветерок ушел куда-то прочь,
И только свежесть веет понемногу.
Ничем не потревожит тишина,
И сон окутал все дела земные,
Но вот большая круглая луна
Вдруг осветила призраки ночные.
Неясная искрящаяся медь*

*Ржаное поле все позолотила.
Здесь только сердце может разуметь
Во всем большую дремлющую силу.*

Поистине, вест классикой.

Нет, поэзия Нины Груздевой – не просто любовная лирика, в ее стихах именно вот это вот главное – «разумение сердцем». Разумение сердцем не только взаимоотношений мужчины и женщины, а всего нашего бытия во всей его сложности. Слишком велико для Груздевой значение дара Божия, именуемого Жизнью, чтобы относилась она к нему упрощенно:

*...Я так свое прошедшее люблю!
И знаю все: кто друг, а кто предатель.
Я отблески мгновений в нем ловлю
Почти как посторонний наблюдатель.
Ты моего прошедшего не тронь,
Не смей входить в него, не зная страха!
В нем есть всегда величественный трон,
И слава, и забвение, и плаха.*

И Любовь. Все-таки Любовь – прежде всего, потому что «разумение сердцем» – это именно Она. И еще – огромное мужество, которое помогло не страшиться ни забвения, ни плахи. Которое помогло не только сохранить «разумение сердцем», но и с большим мастерством передать его в слове людям.

Все это есть у моего друга – прекрасного поэта Нины Груздевой.

Борис Шишаев

СОДЕРЖАНИЕ

Душа	5
«После нас не останется писем...»	6
«Прокрался краешек зари...»	7
«Я – вся из звуков...»	8
Звезда	9
Родное	10
Здравствуйте, клены!	11
Листик	12
Летний день	13
«День прошел...»	14
Любовь	15
Встреча	16
«Не проклинаю тех...»	17
«Надежде верила, мечте...»	18
«Я хотела с тобой побродить...»	19
Тишина	20
Счастье	21
«Какая ранняя весна!...»	22
«Где-то месяц плывет во ржи...»	23
«Я по льду шла...»	24
«Сидишь – нога на ногу...»	25
«Хотела сердце я стреножить...»	26
«В пути и пусто, и темно...»	27
Твое имя	28
«Тебе другие нравятся...»	29
«Я водой заливала...»	30
«Ты не хмурься...»	31
«Я не буду писать письма...»	32
Свет	33
«Прости – прощай...»	34
Мой лесник	35
«Если б чувствовал ты...»	36
«Если виноват...»	37
«Часто я на тебя смотрю...»	38
«Я могла бы молчать...»	39
«Успокойся, я больше тревожить не стану...»	40
«Мы и влюбляемся, и плачем...»	41

«Открываем сердечных “америк”...»	42
«Уймите справедливые упреки...»	43
«Не отдохнув, не разлюбив...»	43
«Я не унижусь пред тобою...»	44
«Ты – просто прохожий...»	45
«На сердце будто полюс холода...»	46
«Берег левый и правый...»	47
«У плетня пустеющего сада...»	48
«Все кончено...»	49
«Не знаю я...»	50
«Нет, уйти мне назад бы...»	50
«Я хотела тебя забыть...»	51
«Манишь ты меня...»	51
«Милый, сердцу очень тяжело!...»	52
«Посажу, помолчу...»	53
«Забыл, забыл!...»	54
«Я трудно шла на зов любви...»	55
«Ах, как сердце кричит!...»	56
«Я несу тебе нежность...»	57
«– Не могу без тебя...»	58
«Любовь моя, печаль моя...»	59
«Пройдет и это...»	60
«Ох, как жду я твоего ответа...»	60
«Ты поменьше им верь...»	61
Прости	61
«Мы не все друг другу рассказали...»	62
«Страданье видеть перестал...»	63
«Теперь, когда шагаю мимо я...»	64
«От дождя проливного намокли...»	65
«Обещания, как снег...»	66
«Я скажу тебе...»	67
«Не в силах больше жить...»	68
«Месяц, а не день...»	69
«Пусть хотя б на несколько минут...»	70
«Опять сегодня...»	71
Глаза любимые	72
Цветы	73
«Высоко летала...»	73
Моей Родине	74

«Посижу на луговине...».....	75
Утро в деревне	76
Бабы	77
Мама	79
Домой	80
«Я помню...»	81
В поле	82
Детство	83
Анна	85
Завет	87
«Последний луч ушел...».....	88
Прощание	89
«Ухожу и мосты рублю...»	90
«Нет любви давно...»	91
Ветер	92
«Ах, поезд, поезд!»	92
Сон	93
Сновидения	94
«Зачем приходишь ты ко мне...».....	95
«Счастье мое горькое...».....	96
«Когда страшит одиночество...».....	97
Моим стихам	97
«Как мы порой не замечаем...»	98
«А на крыше дожди...»	98
«Поговорили. Объяснились...»	99
«Что, если на Земле...»	100
«Вещь как будто простая...».....	101
«Я тебе принесла весну...»	102
«Весна распахнула окошко...»	102
Погодай мне, цыганка!	103
Музыка	104
Соловей	105
Облако	106
«Утром было тихо...»	107
Летняя ночь	107
Август	108
«Моя холодная заря...»	109
Не надо печали!	109
Осеннее	110

Снег	111
«Выйди на воздух морозный...»	112
Березка	113
В новогоднюю ночь	114
Предвесеннее	115
Апрель	116
«Все труднее дорога назад...»	117
Спасибо!	118
«Теперь, когда много покоя...»	119
«В природе весенняя нега...»	120
«Как весна проснулась рано!...»	121
Новые листья	122
«Мне говорят...»	123
«Опять я думала...»	123
Я строю дом	124
Друзьям	124
Где вы?	125
Звонок из юности	126
Новый Источник	127
«У каждого – своя пята...»	128
«Что случилось...»	128
Бардак	129
Памяти кота Рыжика	129
Крыша	130
У памятника Рубцову	131
Друг	132
«Почему мне одной...»	133
Воскресение	134
Илье Сельвинскому	135
Булату Окуджаве	136
Кайсыну Кулиеву	137
Татьяне Волотовской	137
Ариадне	138
Вадиму Дементьеву	139
Геннадью Коротаеву	140
Домашняя	141
Начало осени	142
«Уж ночь давно...»	143
«Стихи нечаянно придут...»	144

«Меняет время очертанья...».....	144
Женщинам-поэтам	145
«Я устаю от прокламаций...».....	146
«...А память, сдернув покрывало...»	146
«Просыпайся!..».....	146
У края	147
«И жизнь – права...»	148
Настроение	149
«Как лист сорвется...».....	150
«В часы, когда природа дремлет...»	151
Встреча нового тысячелетия	152
«Были радости, невзгоды...».....	153
«Оттreshал январь...».....	153
Как летит время!	154
Часы песочные	155
Прошедшее	156
«Однажды я стану...»	157
ИЗ ПЕРЕВОДОВ	
Джораеву	158
Чумаки	161
Старый аист	162
Предрассветное	163
Диалог с морем	164
Приди	165
Тоска	166
Колыбельная	167
Настроение	169
«Я пью за дядю...»	170
Мечта о счастье	172
Последнее лето старика	173
Одеяло моей бабушки	175
«Над Белой Русью...»	176
Я – Кара-чач	177
«– Почему же впусую...».....	178
Махтал	179
«С годами я тоскую по весне...».....	180
Через тернии – к победе! Публицистика.....	181
Б. Шишаев. РАЗУМЕНИЕ СЕРДЦЕМ. О творчестве Н. В. Груздевой	228

Литературно-художественное издание

Груздева Нина Васильевна

ТВОЕ ИМЯ

Избранное

Редактор-составитель

А. А. Цыганов

Оформление

Э. В. Фролов

Подписано в печать 3.08.2017 г. Формат 84×108/32.

Усл. печ. л. 12,6. Тираж 500 экз. Заказ 1385.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Тел. (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com

